

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 4 (166)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2022

**СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ДИСКУССИОННЫЙ ФОРУМ**

Рябова Е.И., Терновая Л.О.

Годы хребет горбят: соединение осей истории и геополитики.....9

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Республиканская нация:

социальная общность vs политическое сообщество.....20

Сторчак В.М., Огородникова О.А.,

Сторчак М.В. Российская мессианская идея

в контексте современных проблем историософии страны.....43

Гришин О.Е., Чистов И.С., Колпаков М.В.

Политика - XXI век: новый взгляд на проблемы войны и мира.....52

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Махмудов А.С.</i> Политическая регионалистика и её место в системе политологических знаний.....	63
<i>Трофимов В.А.</i> Политико-географические реалии Сахалинской области.....	73

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Гао Чуньюй, Гао Янь</i> Формирование концепции марксизма в Китае.....	83
<i>Суй Тао</i> Китайско-Индийские отношения в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии.....	94
Аннотации	101
Авторы	109
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум»	111

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, Член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, заместитель директора Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, Член Общественного Совета при Федеральной миграционной службе России.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, member of the Public Council of the Russian Federal Migration Service.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists of Italy, Member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ
ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Дискуссионный форум

Национальная политика в РФ: перспективы
оптимизации (приглашаем к обсуждению)

В грядущем декабре исполняется десять лет осуществления «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года». Редакция журнала решила открыть рубрику «Дискуссионный форум. Приглашаем к обсуждению». Полагаем, что первая тема «Национальная политика в РФ: перспективы оптимизации», с одной стороны, позволяет читателям нашего журнала высказать суждения по реализации нынешней Стратегии, а, с другой, - внести предложения для разработки и принятия будущей Стратегии.

Успешность рубрики в значительной мере обусловлена активностью читателей нашего журнала. Их мнения редакция журнала с благодарностью будут принимать, а после соответствующего рецензирования – публиковать в рубрике «Дискуссионный форум».

Рябова Е.И.

Кандидат политических наук.

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ).

Годы хребет горбят: соединение осей истории и геополитики

Словно шел по узкому, как лезвие ножа, высочайшему горному хребту и на одну сторону видел жизнь, а на другую видел смерть, как два сверкающих, глубоких, прекрасных моря, сливающихся на горизонте в один безграничный широкий простор.

Леонид Андреев¹

Поговорка, вынесенная в заголовок данной статьи, соединяет понятия из областей истории, географии и морали. Представление о том, что географический фактор в определенные периоды истории становится решающим для геополитического выбора, предполагающего более активную экспансию одного государства во внешний мир, сформировались задолго до того, как в 1904 г. в английском издании *The Geographical Journal* была опубликована статья члена палаты общин британского парламента, преподавателя Оксфордского университета, географа сэра Хэлфорда Джона Маккиндера, называвшаяся «Географическая ось истории»². Идеи Маккиндера в отличие от ранее сформировавшегося географического детерминизма, как специфической социально-философской концепции, ориентировали на геополитическое осмысление пространства. Оно выразилось в констатации наличия осевой модели мироустройства в образе «хартленда» — «сердцевины мира» (англ. *Heartland* — срединная зем-

¹ Андреев Л.Н. Рассказ о семи повешенных // URL: http://az.lib.ru/a/andreev_l_n/text_0400.shtml.

² *Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421-437* (Русский перевод: *Маккиндер Х. Географическая ось истории / Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктика-центр, 2000. С. 491-506*); *Маккиндер Х. Географическая ось истории / Пер. В. Желнинов. М.: АСТ, 2021. 288 с.*

ля). Почти через четыре десятилетия, во время Второй мировой войны, Маккиндер развивает положения, касающиеся обозначенного им ранее геополитического топоса (др.-греч. τόπος — место) — оси истории — в статье «Круглая земля и обретение мира»³. В ней Маккиндер под таким топосом подразумевал евразийское пространство, центром которого выступает Уральский хребет. Введенный им образ оси истории, сопряженный с горным хребтом, играет столь же яркую роль в геополитических моделях, относящихся к другим регионам.

Корректность такого вывода объясняется тем, что пространственные характеристики прекрасно постигаются с помощью представлений телесности. Понятие «хребет» в древнерусском значении «хрьбѣть», т.е. (спина), сформировавшееся на базе общеславянского корня *chrbьbtь*, как нечто, состоящего из звеньев, берет начало в индоевропейском языке, в котором корень с похожим написанием использовался со значением «гнуть», «сгибать». Горные хребты образуются вследствие наплыва одной тектонической плиты на другую, а также в результате их стыкования. Из космоса они, действительно, напоминают сочленения позвоночника. И, подобно позвоночнику, горные хребты аккумулируют в себе огромные природные силы. Неслучайно название величайшей вершины мира Джомолунгмы, находящейся в Гималаях, которые образовались в ходе столкновения гигантских тектонических плит — Евразийской и Индо-Австралийской, переводится с тибетского языка как «Божественная Мать жизненной энергии».

Горные хребты есть на всех континентах: Африканском — Атлас, Драконовы, Капские; Азиатском — Кавказские, Алтайские, Уральские, Гималаи, Сихотэ-Алинь, Тянь-Шань, Саяны, Японские Альпы, Куньлунь; Американском — Кордильеры Южной Америки (Анды), Кордильеры Северной Америки, Аппалачи; Австралийском и Океания: Большой Водораздельный хребет, Южные (Новозеландские) Альпы; Европейском — Карпаты, Татры, Родопы, Центральная Кордильера, Альпы, Пиренеи, Стара-Планина (Балканские горы); Антарктиде — Элсуорт, Трансантарктические. Наличие горных массивов не только формирует физическую, карту планеты. Оно определяет ее политическую картину, поскольку горы чаще всего служат линиями разделения этносов и границами государственных образований. Когда же горный хребет принадлежит одному государству, то в определенной степени он дает ему не только энергию полезных ископаемых, но и символическую силу,

³ Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. № 4. P. 595-605.

ассоциируемую с непоколебимостью и величием гор. Часто такая мощь ощущается теми национальными структурами, которые ведут освободительную борьбу. Так было на Кубе, где горный массив Сьерра-Маэстра (исп. *Sierra Maestra*), расположенный на юго-востоке острова, неоднократно играл и защитную и воодушевляющую повстанцев роль. Так было в 1895 – 1898 гг. во время Войны за независимость горы и в период, предшествующий Кубинской революции после того, как 2 декабря 1956 г. яхта «Гранма» доставила на остров отряд повстанцев, сделавших эти горы центром своей партизанской деятельности.

Выделенный Маккиндером топоним любопытен тем, что связывает координаты пространства и времени. Именно об этом пишет выдающийся французский медиевист Жак Ле Гофф, пытаясь ответить на вопрос «Является ли все же политическая история становым хребтом истории?»: «Позволим себе в заключение обратить внимание на одно очевидное обстоятельство, но о чем, вероятно, все же стоит, напомнить. Полностью обновлённая, каковой она должна стать, регенерированная другими науками о человеке, политическая история не может претендовать на автономию. Сегодня, когда торжествует междисциплинарный подход, перегородки внутри одной и той же науки особенно невыносимы. Слова Люсьена Февра, соучредителя «Анналов экономической и социальной истории», верны как никогда: «Экономической и социальной истории не существует. Существует история как таковая во всей ее целостности»⁴. Тем не менее модели новой целостной истории должны сохранить за политическими параметрами то существенное место, какое занимает в обществах феномен власти, современное эпистемологическое воплощение политического. Как наша эпоха — теперь уж эпоха не анатомии, а атома, так и политическая история — не «становой хребет», а скорее «ядро» истории»⁵.

Соглашаясь с позицией Ле Гоффа, следует отметить, что хребет не есть целостная линия, а состоит из своеобразных ядер. Более того, значение каждого такого ядра в разные периоды истории неодинаково. Роль политической истории так же, как и конфессиональной часто зависит от геополитических факторов⁶. Именно это ядро периодически приводило в движение, по мнению историка и литературного критика Глеба Елисе-

4 Февр Л. Бои за историю. Сборник статей / Пер. А.А. Бобовича и др.; Ст. А.Я. Гуревича [С. 501-541]; Комментар. Д.Э. Харитоновича; [АН СССР]. М.: Наука, 1991. С. 71.

5 Le Goff J. L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire ? // Le Goff J. L'imaginaire médiéval. Essais. P.: Gallimard, 1981. P. 349.1.

6 Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2022.

ева, важнейшие механизмы «становлении России именно как державы привычного нам, современным русским, общеевразийского масштаба»⁷. Изучение религиозной составляющей колонизации Северной Евразии позволяет российским историкам Дмитрию Михайловичу и Дмитрию Володихину делать вывод, что Россия является не просто православным царством, наследником константинопольского православного царства, а особым миром, сердцевинной Евразии, тем столбом, к которому с запада и востока прислонились Европа и Азия. Глубинным кодом Русской цивилизации стало православие, а церковь — ее хребтом⁸.

Эту особенность давно подмечали выдающиеся русские мыслители. В написанном в 1872 г. «Дневнике провинциала в Петербурге» Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин отмечал: «Европа давно уже изменила лицо свое; одни мы, русские, остаемся по-прежнему незыблемы, счастливы и непреоборимы... В Европе, вследствие безначалия, давно есть нечего, а у нас, по-прежнему, всего в изобилии. Идя постепенно, мы дожили до того, что даже Верхотурье увидело гласный суд в стенах своих. Благо, Уральский хребет перейден, а там до Восточного океана уж рукой подать!»⁹

Каменный пояс Урала, длина которого составляет более 2500, а ширина 40 – 150 километров, расположился на стыке Азии и Европы. Издревле эти места притягивали людей и с Востока, и с Запада. В подтверждение тому геральдическое описание (блазон) Челябинска: «В мурованном, с теневой стеннозубчатой главой серебряном поле на зеленой земле навьюченный золотой верблюд». Хотя в советские годы изображение верблюда было заменено на сталелитейный ковш, раскрытую книгу и шестерню, в начале 2000-х гг. возобладали смыслы того, что город богат товарами, а его развитие зависит от успехов в торговле, на что указывает зеленое поле, символ надежды и изобилия, и верблюд вновь стал геральдическим символом. Есть и такая версия истока появления верблюда на гербе Челябинска: исторически названием — оронимом (греч. ὄρος — гора и ὄνομα — имя, название) — Каменной сопки, Каменки или горы Каменной было Диёташ, что в переводе с тюркского означает «Верблюжья гора». Поскольку с определенного ракурса сопка и вправду похожа на лежащего верблюда, то есть версия, что там могло быть святилище, посвященное этому животному, облегчавшему пере-

7 Елисеев Г.А. Церковь – хребет России // Независимая газета. 2022. 27 апреля.

8 Михайлович Д.М., Володихин Д.М. Московское царство: процесс колонизации XV – XVII вв. М.: Центрполиграф, 2021.

9 Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге // URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0030-1.shtml.

движение людей и товаров по азиатским маршрутам, представлявшим собой караванные пути¹⁰.

Такие маршруты всегда имели четко обозначенные центры притяжения. Сейчас нам известно, что одно из таких мест образовалось более четырех тысяч лет назад. Но нашли его только в 1987 г., когда проводилось археологическое обследование территории, которая должна была уйти под воду в результате постройки Большекараганского водохранилища. Благодаря этому было сохранено городище Аркаим, поражающее тем, что в его основу было положено не стихийное заселение, а заранее продуманный план. Сам же топоним «Аркаим», взятый от неподалеку расположенной горы, ведет происхождение от тюркского слова «арка», означающего «хребет», «спина», «основа».

Такое содержательное наполнение формы арки отличается от того, что вкладывали в данное понятие европейцы, где также звучащее слово — омофон — образовано от латинского «*arcus*» означающего дугу, лук (оружие). Писатель, драматург, философ, историк и теоретик театра Сигизмунд Крижановский, посетивший Узбекистан осенью 1932 г., отмечал, что в этом краю во всем царили два образа, две формы, в которые как бы были отлиты пространство и время человеческой жизни — арка и купол. У Крижановского арка — часть земной основы, накрытой куполом неба. «В сущности все пространство всех узбекских городов — от поверхности земли до поверхности кровель — исчерчено арчато-купольным росчерком... Какой-нибудь житель Бухары, встав поутру, пьет свой утренний чай из чайника с арчатым заостренным носиком и, вынув... нож, режет его двусторонним арчатой формы лезвием овощи. Затем, надев поверх тюбетейки арчатой формы шляпу..., он берет стоящий в углу заступ, имеющий постепенно суживающийся к концу в виде арки форму, и идет по хозяйству во внутренний двор... Купол, в отличие от изысканной арки, более приземист, демократичен и общедоступен. Если идти по нисходящей гамме: синий купол неба — куполообразная юрта — в юрте человек в звездчато расшитой тюбетейке, в руках у него опрокинувшийся куполок пиалы. Купол не взбирается... на слишком большие высоты. Каменной тюбетейкой прикрывает он все старинные здания рынков Бухары и Самарканда»¹¹. Любопытно, что и на Урале

10 Терновая Л.О. Геополитический код дороги. От караванного пути до хайвея. Монография. М.: Инфра-М, 2016; Терновая Л.О. От караванного пути до хайвея: семантика дороги. Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТиСО», 2014.

11 Крижановский С.Д. Салыр-гюль (Узбекистанские импрессионизмы) / Крижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: авторский сборник / Составитель: В. Перельмутер. М.: Советский писатель, 1991 // URL: http://az.lib.ru/k/krzhizhanowskij_s_d/text_0183.shtml.

были распространены представления об арке восточного варианта, отразившиеся в орониме «Аркаим».

Эту же линию мы прослеживаем в хорошо известном персонаже «Уральских сказов» Павла Бажова Хозяйке Медной горы, которая вобрала в себя народный образ Азовки-девки. Азов — это гора в Полевском городском округе Свердловской области, одна из вершин Уфалейского водораздельного хребта Среднего Урала. Известны несколько версий происхождения этого оронима. Так, А.К. Матвеев и Н.П. Архипова считают, что основой названия стало татарское слово «азау», в переводе означающее «зуб»ой, которое отражало конфигурацию скал, напоминающих острый зубчатый гребень¹². В тюркских языках слово «азов» переводится как «клык», «острие», «жало»¹³. Оно, как и восточное понимание арки, идет от земли, вбирает ее силы. Поэтому гора Азов была связана с утраченными местными обрядами и изначально имела ритуальный характер, а в ее гроте были найдены десять идолов¹⁴. Представляется важным подчеркнуть различие происхождения данного оронима и топонима города Азов в устье реки Дон, которое происходит из крымско-татарского языка, в котором это слово могло иметь несколько значений: первое — от восточно-тюркского «*azak*» — «низкий, низкое место»; второе — из древне-кыпчакского (кумано-половецкого) «азак, азаF > азау» — «устье реки»¹⁵. Эти источники не дают никаких оснований для сопоставления геополитических координат горы Азов и одноименного города.

Те детали образа, которые Хозяйка Медной горы позаимствовала у Азовки-девки, идеально передают характер Уральского хребта как геополитической оси евразийского пространства. Прежде всего, героиня «Уральских сказов» выступает в роли хозяйки-владычицы. Но, обладая несметными подземными богатствами, она не может не представлять еще и в качестве хозяйки-искусительницы, которая обольщает человека своими сокровищами. Их же она тщательно хранит, но ее функция хозяйки-хранительницы связана и с непосредственным сбережением богатства недр, и с заботой о сохранении тайны высокого мастерства. К тем людям, которые обладают талантом, проявляют смелость, целеустрем-

12 Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2008. С. 10.

13 Елизарова Н., Федоренко А. Азов-гора: Пещеры, сокровища, разбойники, тайна горной свечки девки-Азовки // URL: <https://www.uralweb.ru/urals/ural/470-azov-gora.html>.

14 Викторова В.Д. Сокровища филина: Духовная культура древних металлургов Зауралья // Родина. 2001. № 11. С. 54-57.

15 Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. С. 11.

ленность, пытливость, талантливый, верность и честность она относится как хозяйка-дарительница и помощница¹⁶.

Эти особенности символической Хозяйки медной горы отразились в сложностях и достижениях по освоению богатств Урала. Точно также их следы мы можем обнаружить в проявлении Уральского хребта, в целом, как хартленда и Южного Урала, в частности, — как его «пупа», который притягивает к себе и удерживает разные цивилизационные паттерны, прежде всего, индоевропейские и финно-угорские. В итоге образуется уникальная модель евразийства¹⁷. При этом данная модель проявляет свою эффективность лишь при тех условиях, которые также отвечают смыслообразу хребта. Во-первых, его членение на части дает основание для перераспределения энергии между отдельными фрагментами, для чего идет их постоянное сравнение. Во-вторых, любой хребет обладает гибкостью и имеет цель сохранять ее как можно дольше. В-третьих, притягивая дальние объекты, хребет обеспечивает их общее существование благодаря собственной мощи. В контексте Уральского хребта как геополитической оси евразийского пространства ее монументальность обеспечивается мощностью экономики региона, что нашло очень краткое и точное выражение в словах Александра Твардовского из поэмы «За далью – даль», ставших девизом Свердловской области, вынесенным на ее герб: «Опорный край Державы».

В геополитике выделяется различие стратегий континентальных и морских держав. Россия — уникальна с точки зрения сочетания теллуократических (лат. *tellūris* — суша, земля, страна и др.-греч. κράτος — власть) и таласократических (др.-греч. θάλασσα — море) и κράτος — власть) Португальская, Британская и Французская начинались как таласократические, а при их распаде метрополии переходили к теллуократической модели геополитики, сохраняя в памяти ее таласократические идеалы, принципы и соответствующие им методы. Столь же глубинное таласократическое начало есть и у геополитики Соединен-

16 Воронина В. К вопросу об исследовании и анализе архетипа Хозяйки Медной горы из сказов П.П. Бажова // Архетипические исследования. 2013. № 8 // URL: http://samlib.ru/w/woronina_w/arhetiphozyalkimednojgori.shtml.

17 Бисенгалиев М.К. Осевая точка осевого пространства // Независимая газета. 2022. 18 апреля; Калинина К.В., Терновая Л.О. Социокультурный универсализм евразийского пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 5. С. 159-163; Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Роль казачества в формировании Евразийского пространства // Казачество. Альманах. 2016. Выпуск 18 (5). С. 7-18; Терновая Л.О. Картографическая культура Большой Евразии: образы географии в геополитике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: РАН. ИНИОН, 2020. С. 568-574; Терновая Л.О. Социокультурная мозаика Большой Евразии: вызов или возможность региональной интеграции? // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Вып. (45). С. 424-430; Терновая Л.О., Фонарев М.А. Евразийская идея в сравнении с идеей Европы: основания и возможности воплощения // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11. С. 171-175.

ных Штатов Америки. Россия исторически расширялась в границах сухопутного пространства и принимала логику «сухопутного могущества», но осознав свою геополитическую ось, приобретя способность раздвинуть собственные пределы за границы суши и выйти в море, предпочла и там закрепить свое присутствие с помощью земного, горного образа — хребта. Воплощением этого образа стал хребет Ломоносова, составляющий единое целое с российской Арктикой, поскольку они представляют собой часть одной литосферной плиты¹⁸. В случае признания этого научного факта Комиссией по границам континентального шельфа ООН граница России продвинется на 350 миль за счет Северного Ледовитого океана. А морская политика России продолжит традицию утверждения геополитических осей, которым является не только хребет Ломоносова, но и хребет Менделеева, также имеющий континентальный фундамент.

Все геополитические образы имеют моральное прочтение. Это относится и к образу хребта. Захребетниками а XV – XVII столетиях на Руси называли вольных или гулящих людей, свободных от государственной службы и не несших государственного тягла. В первую очередь к ним относились наемные рабочие на чужих тяглах, связанные со своими хозяевами — крестьянами или посадскими людьми, у которых они жили, личным уговором, или, отвечая за часть повинностей. Но в современном понимании «захребетник»/«захребетница» стал обозначать лиц, живущих за счет других. Безусловно это — малопривлекательный образ. Но еще менее привлекательный тип вытекает из ответа Веры Костшевой (Марии Кошутской), деятельницы польского рабочего, социалистического и коммунистического движения, теоретика Коммунистической партии Польши (КПП), который она дала Сталину на заседании комиссии Коминтерна: «По поводу нашего выступления с критической оценкой некоторых решений Исполкома тов. Зиновьев сказал нам: «Поломаем вам кости, если будете выступать против нас»... В нашей международной коммунистической организации поломанные кости срastaются. Я опасюсь другого. Именно в связи с вашими привилегиями опасны для вас не те люди, которым можно по такому поводу, как наш, переломать кости, а те, кто вообще костей не имеет»¹⁹.

Эта позиция Костшевой отразила понимание того, что бесхребет-

18 Поселов В.А., Аветисов Г.П., Буценко В.В., Жолондз С.М., Каминский В.Д., Павлов С.П. Хребет Ломоносова как естественное продолжение материковой окраины Евразии в арктический бассейн // Геология и геофизика. 2012. Т. 53. №12. С. 1662-1680.

19 Попов Н.С. Открывая новые страницы... (Международные вопросы: события и люди). М.: Политиздат, 1989. С. 118 // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=600604&p=118>.

ность совсем не есть гибкость, что она является проявлением отсутствия собственной позиции, выступает следствием неосознанности своих интересов. Такая ситуация печальна и в личностном плане, но в геополитической ситуации — она трагична. Однако история международных отношений показывает, насколько часто последствия бесхребетной внешней политики приводили к крупным геополитическим катастрофам. Поэтому уже напоминание об образе хребта и его символизме как геополитической оси должно помочь некоторым международным акторам перестать быть как геополитическими «захребетниками», так и бесхребетными.

Список литературы:

1. Андреев Л.Н. Рассказ о семи повешенных // URL: http://az.lib.ru/a/andreew_l_n/text_0400.shtml.
2. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. Казань: Татар. кн. изд-во, 2010. 527 с.
3. Бисенгалиев М.К. Осевая точка осевого пространства // Независимая газета. 2022. 18 апреля.
4. Викторова В.Д. Сокровища филина: Духовная культура древних металлургов Зауралья // Родина. 2001. № 11. С. 54-57.
5. Воронина В. К вопросу об исследовании и анализе архетипа Хозяйки Медной горы из сказов П.П. Бажова // Архетипические исследования. 2013. № 8 // URL: http://samlib.ru/w/woronina_w/arhetiphozyalkimednojgori.shtml.
6. Елизарова Н., Федоренко А. Азов-гора: Пещеры, сокровища, разбойники, тайна горной свечки девки-Азовки // URL: <https://www.uralweb.ru/urals/ural/470-azov-gora.html>.
7. Елисеев Г.А. Церковь – хребет России // Независимая газета. 2022. 27 апреля.
8. Калинин К.В., Терновая Л.О. Социокультурный универсализм евразийского пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2014. № 5. С. 159-163.
9. Кржижановский С.Д. Сказки для вундеркиндов: авторский сборник / Составитель: В. Перельмутер. М.: Советский писатель, 1991. 704 с.
10. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Пер. В. Желнинов. М.: АСТ, 2021. 288 с.
11. Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2008. 352 с.
12. Михайлович Д.М., Володихин Д.М. Московское царство: процесс колонизации XV – XVII вв. М.: Центрполиграф, 2021. 190 с. (Новейшие исследования по истории России).
13. Попов Н.С. Открывая новые страницы...(Международные вопросы: события и люди). М.: Политиздат, 1989. 126 с. // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=600604&r=126>.
14. Поселов В.А., Аветисов Г.П., Буценко В.В., Жолондз С.М., Каминский В.Д., Павлов С.П. Хребет Ломоносова как естественное продолжение материковой окраины Евразии в арктический бассейн // Геология и геофизика. 2012. Т. 53. №12. С. 1662-1680.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Роль казачества в формировании Евразийского пространства // Казачество. Альманах. 2016. Выпуск 18 (5). С. 7-18.
16. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге // URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0030-1.shtml.
17. Терновая Л.О. Геополитический код дороги. От караванного пути до хайвея. Монография. М.: Инфра-М, 2016. 281 с.
18. Терновая Л.О. Картографическая культура Большой Евразии: образы географии в геополитике // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: РАН. ИНИОН, 2020. С. 568-574.
19. Терновая Л.О. От караванного пути до хайвея: семантика дороги. Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП ВПО «АТИСО», 2014. 286 с.
20. Терновая Л.О. Священное в мирском: конфессиональное прочтение международных отношений: монография. М.: ИНФРА-М, 2022. 300 с.
21. Терновая Л.О. Социокультурная мозаика Большой Евразии: вызов или возможность региональной интеграции? // Миссия конфессий. 2020. Т. 9. Вып. (45). С. 424-430.
22. Терновая Л.О., Фонарев М.А. Евразийская идея в сравнении с идеей Европы: основания и возможности воплощения // Евразийский юридический журнал. 2013. № 11. С. 171-175.
23. Февр Л. Бои за историю. Сборник статей / Пер. А.А. Бобовича и др.; Ст. А.Я. Гуревича [С. 501-541]; Комментар. Д.Э. Харитоновича; [АН СССР]. М.: Наука, 1991. 629 с.
24. Le Goff J. L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire ? // Le Goff J. L'imaginaire medieval. Essais. P.: Gallimard, 1981. P. 333-349.1.
25. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. № 23. P. 421-437 (Русский перевод: Маккиндер Х. Географическая ось истории / Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491-506).
26. Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // Foreign Affairs. 1943. Vol. 21. № 4. P. 595-605.

Bibliography

1. Andreev L.N. The story of the seven hanged // URL: http://az.lib.ru/a/andreev_l_n/text_0400.shtml.
2. Akhmetyanov R.G. Brief historical and etymological dictionary of the Tatar language. Kazan: Tatar. book. publishing house, 2010. 527 p.
3. Bisengaliev M.K. Axial point of axial space // *Nezavisimaya gazeta*. 2022. April 18.
4. Viktorova V.D. Owl treasures: Spiritual culture of the ancient metallurgists of the Trans-Urals // *Motherland*. 2001. № 11. P. 54-57.
5. Voronina V. To the question of the study and analysis of the archetype of the Mistress of the Copper Mountain from the tales of P.P. Bazhova // *Archetypal Studies*. 2013. № 8 // URL: http://samlib.ru/w/woronina_w/archetiphozyalkimednojgori.shtml.
6. Elizarova N., Fedorenko A. Azov-mountain: Caves, treasures, robbers, the mystery of the girl-Azov mountain candle // URL: <https://www.uralweb.ru/urals/ural/470-azov-gora.html>.
7. Eliseev G.A. The Church is the Backbone of Russia // *Nezavisimaya Gazeta*. 2022. 27 April.
8. Kalinina K.V., Ternovaya L.O. Sociocultural universalism of the Eurasian space // *Ethnosocium and international culture*. 2014. № 5. P. 159-163.
9. Krzhizhanovskiy S.D. Tales for geeks: author's collection / Compiled by: V. Perelmuter. M.: Soviet writer, 1991. 704 p.
10. Mackinder H. Geographical axis of history / Per. V. Zhelninov. M.: AST, 2021. 288 p.
11. Matveev A.K. Geographical names of the Urals: Toponymic dictionary. Yekaterinburg: Publishing house «Socrates», 2008. 352 p.
12. Mikhailovich D.M., Volodikhin D.M. Moscow kingdom: the process of colonization of the XV - XVII centuries. M.: Tsentrpoligraf, 2021. 190 p. (The latest research on the history of Russia).
13. Popov N.S. Opening new pages ... (International issues: events and people). M.: Politizdat, 1989. 126 p. // URL: <https://www.litmir.me/br/?b=600604&p=126>.
14. Poselov V.A., Avetisov G.P., Butsenko V.V., Zholondz S.M., Kaminskii V.D., Pavlov S.P. The Lomonosov Ridge as a natural extension of the continental margin of Eurasia into the Arctic basin // *Geology and Geophysics*. 2012. Vol. 53. № 12. P. 1662-1680.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The role of the Cossacks in the formation of the Eurasian space // *Cossacks. Almanac*. 2016. Issue 18 (5). P. 7-18.
16. Saltykov-Shchedrin M.E. Diary of a provincial in St. Petersburg // URL: http://az.lib.ru/s/saltykov_m_e/text_0030-1.shtml.
17. Ternovaya L.O. Geopolitical code of the road. From the caravan route to the highway. Monograph. M.: Infra-M, 2016. 281 p.
18. Ternovaya L.O. Cartographic culture of Greater Eurasia: images of geography in geopolitics // *Greater Eurasia: Development, security, cooperation. Yearbook. Issue. 3. Part 2* / RAN. INION. Dep. scientific cooperation; Rep. ed. IN AND. Gerasimov. M.: RAN. INION, 2020. P. 568-574.
19. Ternovaya L.O. From the caravan route to the highway: the semantics of the road. Ufa: BIST Publishing House (branch) OUP VPO "ATiSO", 2014. 286 p.
20. Ternovaya L.O. Sacred in the mundane: a confessional reading of international relations: a monograph. M.: INFRA-M, 2022. 300 p.
21. Ternovaya L.O. Sociocultural mosaic of Greater Eurasia: a challenge or an opportunity for regional integration? // *Mission of confessions*. 2020. Vol. 9. Issue. (45). P. 424-430.
22. Ternovaya L.O., Fonarev M.A. The Eurasian Idea in Comparison with the Idea of Europe: Foundations and Possibilities of Implementation // *Eurasian Law Journal*. 2013. № 11. P. 171-175.
23. Febvr L. Fights for history. Collection of articles / Per. A.A. Bobovich and others; Art. AND I. Gurevich [S. 501-541]; Comment. D.E. Kharitonovich; [AN USSR]. M.: Nauka, 1991. 629 p.
24. Le Goff J. L'histoire politique est-elle toujours l'épine dorsale de l'histoire ? // *Le Goff J. L'imaginaire medieval. Essais*. P.: Galilimard, 1981. P. 333-349.1.
25. Mackinder H.J. The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. № 23. P. 421-437 (Русский перевод: Макиндер Х. Географическая ось истории / Дугин А.Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491-506).
26. Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // *Foreign Affairs*. 1943. Vol. 21. № 4. P. 595-605.

А

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Белгородского государственного технологического
университета имени В.Г. Шухова*

*Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации*

Мальцев К.Г.

Доктор философских наук, профессор
кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного
технологического университета имени В.Г. Шухова.

Алавердян А.Л.

Кандидат философских наук,
Белгородский техникум промышленности и сферы услуг.

Республиканская нация: социальная общность vs политическое сообщество

Введение; постановка проблемы, задача и метод.

Либеральный проект «республиканской нации», принявший в качестве «образца» «американскую нацию» (например, Л. Гринфельд¹), выстраивается вокруг *политического* представления нации как «гражданской ассоциации», принадлежность к которой определяется *личным выбором* свободного (автономного) гражданина на основе «гражданской лояльности» либеральному (непременное условие; иногда вместо слова «либеральный» употребляют «демократический») политическому порядку, поверх культурных, религиозных и прочих «такого же рода» *особенностей*. Вторым обязательным условием является либо полное отсутствие (лучше всего), либо снятие любой *этнической* принадлежности как *препятствующей разрешению* «естественной общности» в гражданское сообщество: любая «субстанциальность» (это же касается перечисленных выше религии, культуры) или, хуже того, «субстрат» («этнос») полагаются несовместимыми с идеей «республиканской нации»; она выстраивается (замечает, например, Риддингс²) на «общественном договоре», то есть, опять же, как *политическое сообщество*. Вместе с тем нации считаются «социальными общностями» (Валлерстайн³ высказывает это представление определенно и категорично), то есть как *наличное* (безусловно доминирующее в науке представление социального: Латур⁴). Здесь уже обнаруживается затруднение: *наличное* «социальной общности» и *проект*

1 Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.

2 Риддингс Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. 299 с.

3 Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004, 288 с.

4 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

«политического сообщества» в своей *основе* имеют *разный* «способ формирования». Еще более проблематичным «совмещение» того и другого становится в том случае, если полагать (как Х. Арендт⁵, или Б. Латур), что *социальное* и *политическое* не просто *различны*, но даже в некоторых существенных отношениях *противоположны*: Арендт, например, писала, что в *современности* «социальное растворило в себе» политическое (насколько «полно» и «окончательно» – другой вопрос). К нациям одновременно применяют определения: «категориальной идентичности» (Калхун⁶), «сконструированного сообщества» (Брубейкер⁷), «результат неповторимой констелляции исторических событий» (М. Манн⁸, Э. Геллнер⁹), более того, нациям даже приписывают «моральную вменяемость» (Б. Як¹⁰), – перечисление заняло бы слишком много места, поэтому ограничимся только теми определениями, которые *видимо* несовместимы друг с другом. В этой «несовместимости» не было бы ничего особенно проблематичного в том случае, если бы определения относились к *наличному*: разные способы описания такового являются для науки нормой, а, например, «диалектический метод» (который не любят *называть*, но вынужденно *используют* в подобных случаях), успешно справляется с такими противоречиями, – но при *императивном требовании* исключить любое *наличное* из концепта «республиканской нации», «проблема» приобретает почти неразрешимый характер.

Задачей статьи является: во-первых, анализ двух основных дискурсов нации: как «социальной группы» и как «гражданской ассоциации», – и выявление основных относящихся к ним определений; во-вторых, изучение вопроса, каким образом *проект* «республиканской нации» выстраивается в горизонте названных *различных* дискурсов; в-третьих, указание на *цель проекта*, определяющую *порядок совмещения* «неоднородного» и «противоречивого» – в *связный дискурс* (дискурс и представляет собой объединение «разнородного» относительно *цели* «хозяина дискурса»); возможно, обнаружится *перспектива*, в которой «противоречия» можно будет считать *снятыми* (предваряя изложение *результатов*, мы вправе назвать эту перспективу: она задана «либе-

5 Арендт Х. Vita activa, или деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

6 Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

7 Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы эк-ки, 2012. 408 с.

8 Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. 503 с.; Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.

9 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

10 Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.

ральной метафизикой» (К. Шмитт¹¹) и представлена как *действительность* в господствующей либеральной версии экономической парадигмы политического (Дж. Агамбен¹²).

Постановка задачи предполагает выход исследования за границы *дисциплинарно организованных наук*; это – не любимые многими «междисциплинарность» или «многодисциплинарность», но, поверх таких границ, *философское истолкование представления*, лежащего в основе и определяющего форму и содержание проекта «республиканской нации».

Нации как социальные общности; историко-социологические теории нации.

В 1944 году Г. Коэн¹³ выдвинул положение о необходимости различия между «гражданскими» и «этническими нациями»; разумеется, в то время подобное различие имело в первую очередь *политическое* основание: проведение границы «по Рейну» ясно указывало, какими соображениями в первую очередь руководствовался автор выдвинутой концепции. Не оставляют сомнений и характеристики каждого из «видов» наций, предложенных Коэном; «волюнтаристскому типу национализма», «который считает нацию свободным объединением разумных людей, состоящим из входящих в него по собственной воле индивидов» (по Смигу¹⁴) он противопоставил «органический тип», «рассматривающий нацию как организм, обладающий неизменным и неизгладимым характером, которым его члены наделяются при рождении и от которого они никогда не смогут избавиться»¹⁵; Коэну «принадлежит также утверждение, что первый тип характерен для англо-саксонского мира, тогда как второй вид идеологии типичен для националистических движений к востоку от Рейна»¹⁶.

Граница, проведенная Коэном, со временем и сменой идеологии отодвигалась на Восток, пока Л. Гринфельд¹⁷ не «зафиксировала» ее «по Эльбе», что также вполне *идеологически* объяснимо¹⁸, – но само различие (не-

11 Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма /К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.

12 Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.

13 Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt / M.: S. Fischer Verlag, 1962. 565 p.

14 Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. С. 269.

15 Там же.

16 Там же.

17 Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.

18 Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Социологическое представление возникновения европейских наций: опыт философской критики // Kant. 2021. № 2 (39). С. 209-225.

важно, где «проводить границу») удерживается либеральным дискурсом нации не только как «общее» мнение, но именно как «экспертное» заключение. «Этнические нации», хоть и способны к «трансформации» (та же Гринфельд утверждает, что «этничность» – не «приговор»), но медленной и небеспроблемной. В любом случае, при трансформации в «гражданскую нацию», «этнический субстрат» должен быть «снят»: полностью разрешиться в гражданское, то есть «свободное волеизъявление» индивида. Сам «субстрат» также полагается не вполне «естественным» (это свойство ему «злонамеренно приписывается» идеологами национализма и некоторыми политиками), но скорее «историческим»: Смит в своей книге, посвященной «критическому обзору современных теорий наций и национализма»¹⁹, настойчиво доказывает, что ничего «биологического» в этносе нет и его «видимая естественность» представляет собой «исторический конструкт». Таким образом, нация (любая, «этническая» в том числе) в конечном счете является социальной общностью.

И. Валлерстайн формулирует это положение с присущей ему определенностью: этничность представляет собой, по Валлерстайну, «культурную общность», этнос – социальная группа, «имеющая культурное значение». «Многообразные «сообщества», к которым мы все принадлежим, чьих «ценностей» придерживаемся, по отношению к которым подтверждаем нашу «лояльность»; «сообщества», определяющие нашу «социальную идентичность» – все они как один суть исторические конструкты»²⁰; такие конструкты находятся в постоянной реконструкции; эти «лояльности, идентичности никогда не являются изначальными, так что любое историческое описание их структуры или их развития через века необходимо оказываются первичным образом определенными идеологией настоящего времени»²¹, – и главное: под «расой» можно разуметь «генетически непрерывную группу», под «нацией» – «историческую социально-политическую группу», под «этносом» (что особенно важно в связи с нашей постановкой вопроса) – «культурную группу», – и это именно «социальные категории»²².

Именно в этом пункте возникает вопрос «о природе социального» и о «способе, каким образуются социальные группы». Две «крайние позиции», влиятельные в западном (и отечественном) обществознании, пред-

19 Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. Москва: Практис, 2004. 464 с.

20 Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 263.

21 Там же.

22 Там же, С. 93.

ставлены рассуждениями о «природе социального» Х. Арендт²³ (которая, кстати, приводит нацию в качестве примера «современной социальности») и акторно-сетевой теорией Б. Латура²⁴, специально акцентирующего внимание на способе «проведения границ» при образовании «социальных групп».

Социальное, по Арендт, есть *определение* современной эпохи; то, что в немецкой философской классике именовалось «миром», получает определяющую характеристику «социальный»: это мир *animal laborans*, как его называет Арендт (в отличие от «человека производящего» и «человека политического»). Политическое и социальное, будучи *различными* в своей *основе*, так и по *способу участия* индивида и производящей их деятельности, с некоторого времени (окончательно с XVIII века) парадоксальным образом «сливаются» в представлении: «От истоков Нового времени всякий национальный организм и всякое политическое общественное образование мы понимаем в образе семьи, представляя ведение и упорядочение всех их дел и каждодневных занятий по типу гигантски разросшегося аппарата домашнего хозяйства»²⁵. Характеризующая этот ход событий научная мысль «называется уже не наукой политики, а «национальной экономией», народным хозяйством или «социальной экономией», и все эти выражения указывают на то, что мы по сути имеем дело с некоего рода «коллективным домохозяйством». То, что мы именуем сегодня обществом, есть фамильный коллектив, который экономически понимает себя как гигантскую сверхсемью, а его политическая форма организации образует нацию»²⁶.

Таким образом, «Новое время собственно вообще не отделяет и не отличает общественное от политического»²⁷. Современность является завершением многовекового процесса, в которой, наконец, была «достигнута стадия», «когда действительно, а не только теоретически общество как целое стало субъектом нового жизненного процесса»²⁸; «чисто социальная точка зрения» на действительность/общество «определяется исключительно жизненным процессом человеческого рода, который постоянно обновляет и воспроизводит себя через производство средств для своей жизни»²⁹.

23 Арендт Х. *Vita activa, или деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

24 Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М. Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

25 Арендт Х. *Vita activa, или деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 39.

26 Там же.

27 Там же, С. 44.

28 Там же, С. 339.

29 Там же, С. 114.

Социальное, таким образом, представляется Арендт как «жизненный процесс», характеризующийся необходимостью по добыванию средств к жизни, которые тут же без остатка потребляются; как полное «растворение» в *необходимости*, в которой нет места *политическому действию*: «Социальное пространство... известным образом развязало неестественный рост самого же природного; и противостоять не только социальности, но и этому постоянному разрастанию самого социального пространства приватное и интимное с одной стороны и политическое (в узком смысле слова) с другой оказались неспособны»³⁰. Нация как «социальная общность», по Арендт, «заменила семью»: «Общество своим возникновением среди прочего обязано тому, что семью поглощали группы, которые оказывались всякий раз ей социально отвечающими, т. е. с которыми она находилась на приблизительно том же житейском уровне»³¹, причем *различия*, которые являются основанием для политического поведения, здесь не «принимаются в расчет»: «Неважно, состоит ли нация из равных или неравных членов, ибо общество всегда требует от тех, кто к нему вообще принадлежит, чтобы они поступали как члены одной большой семьи, в которой должен царить только единый взгляд на вещи и только единый интерес»³².

Нация как «большая семья» есть «простое суммирование многих семей в одну группу», в таком процессе именно «хозяйственные интересы семьи» представляются как «общий интерес», только «необыкновенно возросший в силе», – политическое безразличие (простое отсутствие области политического) становится не только *нормой*, но и повседневной практикой: «Конформизм каким мы его знаем, когда полное единодушие достигается среди полной добровольности, есть лишь заключительная стадия этого процесса»³³.

Арендт, задолго до современных национальных проблем, характерных не только для «периферийных регионов», но и для самой Европы, делала вывод из сказанного выше: «Органические исторические теории национализма, в основном центрально-европейского происхождения, все опираются на отождествление нации и существующих между ее индивидами отношений с семьей и семейными связями. В той мере, в какой общество становится эрзацем семьи, оно требует, чтобы «кровь и почва» были решающими в принадлежности к нации; даже там, где эти идеологии не вполне сформировались, единообразие населения и оседлость

30 Там же, С.62.

31 Там же, С. 52.

32 Арендт Х. *Vita activa, или деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 52.

33 Там же, С. 53.

становятся собственно критериями образования нации»³⁴.

Для текущей современности сказанное подтверждается, например, Альтерматтом³⁵ (хотя он полагает, что подобные идеологии больше не ограничиваются «востоком Европы», но представляют политическую опасность для самого ее «ядра»). «Этнонационализм» представляет нацию как основанную на «природе», то есть как «естественную сущность», он является мощнейшим из имеющихся современных средств интеграции («национализм концентрирует общественные силы, пронизывая все социальные слои и идеологические позиции, и предвещает людям лучшее будущее, ссылаясь на народ и нацию»³⁶). В целом, описывая современное положение вещей, Альтерматт соглашается с американским политологом Б.Р. Барбером в том, что противоречие между процессами глобализации и ответной реакцией национализма зашло так далеко, что его можно определить как противоречие между современным миром и джихадом, причем «национализм опасается гражданского общества и отрицают демократические институты и гражданские права»³⁷.

Но «социальность», как ее описывает Арендт, в отношении человека как раз представляется такой, хоть и «квази», но «естественной сущностью»: по крайней мере в той степени, в какой «естественным» (здесь лучше подходит слово «натуральный») можно считать такое, которое имеет *вид принуждения*, «внешне» определяющего индивида: «социальное как вторая природа», например; повторим, Арендт представляет социальность как по сути *принуждение*, когда квалифицирует его как «вид жизненного процесса». Если «исключить этнос», то «исторические обстоятельства», интерпретированные определенным образом, и формирующие «исторические нации», можно считать *принудительными*, – и в проекте гражданской нации также должны быть *сняты*. Среди многочисленных исследований об «исторической обусловленности нациеобразования» последовательностью и «полнотой», а, следовательно, и *репрезентативностью* для *философского истолкования* (для которого релевантно не *среднее*, но *характерное*), выделяются концепции Э. Гелнера и М. Манна.

Э. Гелнер, концепция которого чаще всего определяется как «модернистская»³⁸, описывает появление европейских наций как современный

34 Там же, С. 339.

35 Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.

36 Там же, С. 28.

37 Там же, С. 207.

38 Алавердян А.Л., Мальцев К.Г «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24-31.

социальный процесс (национализм как явление «связан с определенным рядом социальных условий, и эти условия, как оказалось, стали условиями нашего времени»³⁹), имеющий культурное значение, обусловленный в конечном счете экономическими трансформациями, вызванными промышленной революцией. Он утверждает: «Корни национализма – в определенном типе разделения труда, очень сложном и к тому же бесконечно, беспредельно изменчивом»⁴⁰; современная нация есть продукт индустриального общества, которое «по самой природе своей производственной деятельности ... является огромным, анонимным, мобильным»⁴¹.

Нация определяется Гелнером через «различие в культуре»; политической она является необходимо из-за «критической связи с государством»; тогда национализм как необходимая рефлексия «принадлежности нации» есть «принцип односторонности культурных единиц как основ политической жизни и обязательного культурного единства правителей и подданных»⁴²; по Гелнеру, «определение наций может отталкиваться только от реальностей эпохи национализма»⁴³. Нации «случайны» в смысле исторически сложившейся единичной констелляции социальных обстоятельств⁴⁴, а нация не есть «естественный способ классификации людей»⁴⁵, хотя нельзя считать его произвольным, но – «уходящим корнями в своеобразные культурные требования индустриального общества» и является «внешним проявлением глубинного процесса урегулирования отношений между государством и культурой, которое совершенно неизбежно»⁴⁶.

Гелнер подчеркивает, что определяющее значение для нации имеет *идентификация*: как *личная* (осознанная принадлежность к нации), так и *категориальная* (нация определяется через разделение с другими нациями). Мотивом для индивидуальной идентификации Гелнер считает *интерес*, связанный, например, с «конкуренцией на рынке труда» (противопоставление «местных» и «пришлых», акцент последних на *национальной* общности как способе противостоять давлению «автохтонов»), то есть рассчитывается в *конечном счете* как баланс «выгод/издержек». «Именно взаимное признание такого объединения и превращает их в нацию, а не другие общие качества – какими бы они ни были, – кото-

39 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 259.

40 Там же, С. 67.

41 Там же, С. 14.

42 Там же, С. 258.

43 Там же, С. 126.

44 Там же, С. 34.

45 Там же, С. 114.

46 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 88.

рые отделяют эту группу от всех, стоящих вне ее»⁴⁷: «Исходя из этих условий – хотя только из этих условий, – нации действительно могут определяться на основании как доброй воли, так и культуры»⁴⁸, – «однородность, грамотность и анонимность – вот ключевые черты таких сообществ»⁴⁹.

М. Манн не склонен преувеличивать значение «личного мотива» в национальной идентификации, делая акцент на «клетку национального государства» как удобный для решения вопросов, связанных с конкуренцией между государствами, способ организации экономики в определенный период. Он признает возникновение современных европейских наций (к концу XIX века) из предшествовавших им «прото-наций», в основе которых полагает, в числе прочего, и то, что называет «этничностью», «учитывая наличие общего языка, религии или политического единства»⁵⁰; но менее всего склонен преувеличивать значение такой «идентичности»: «Это была лишь одна из немногих «специализированных» идентичностей, значительно ослабленных локальными, региональными, корпоративными и классовыми идентичностями»⁵¹. Манн утверждает: «Я признаю некоторую «до-модерновую» историю нации. Я выделяю два «протонациональных» этапа в развитии наций, начавшиеся еще до обсуждаемого периода. Я называю их религиозно- и коммерческо-этактистскими этапами. Я также утверждаю, что «долгий девятнадцатый век» превратил протонации в полноценные нации в течение двух других этапов – милитаристского и промышленно-капиталистического»⁵². Сплочение национальных государств и «рост национальных классов»⁵³ есть две стороны одного процесса. Кристаллизация современного государства происходила в «различных точках вдоль двух осей: на оси «представительства»... и на «национальной» оси – от централизованной нации-государства на одном конце и до нежестко связанного конфедеративного режима – на другом»⁵⁴. Государство в процессе роста и модернизации все больше становится милитаристским, и «милитаристские государства на-

47 Там же, С. 35.

48 Там же, С. 126.

49 Там же, С. 280.

50 Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. С. 275.

51 Там же, С. 275-276.

52 Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. С. 276.

53 Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. 503 с.; Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.

54 Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. С. 69.

чали формировать идеологию вокруг классов и наций»⁵⁵, то есть нация по своему происхождению есть инструмент мобилизации, а национализм – «идеология мобилизации; в нации происходит «натурализация социальной жизни»⁵⁶. В итоге Манн дает следующее определение нации: «Нация – это экстенсивное межклассовое сообщество, подтверждающее свою четко выраженную этническую идентичность и историю и утверждающее свое собственное государство»⁵⁷. То есть «этнический субстрат» «прото-нации» представляет собой *материал* для нациестроительства в государстве модерна. Манн подтверждает утверждение Арендт, что нации представлялись «как большая семья», но видит совершенно *другую причину* для такого представления: государственную политику по «мобилизации»: нация «выстраивалась как «расширенная семья», члены которой были «эмоционально сплоченными», а значит – лучше мобилизуемыми на борьбу за «свое и своих»: «Семья была основной моральной и эмоциональной действующей силой, потому что она была местом большей социализации, в том числе и для переживания и социального выражения любви и ненависти... Интенсивная организация семьи и общины может создавать сильные эмоции, возможно, желание жечь хлеб или бунтовать, но не широкую солидарность в рамках всего класса и нации. Эта интенсивность должна быть мобилизована более экстенсивными организациями власти. Именно здесь первые две протонациональные фазы складывания нации оказались весьма значимыми»⁵⁸. То есть Манн фактически доказывает, что все «естественное», что было в «прото-нациях» *снимается* в политике государственного нациестроительства; хоть нация и не является целиком «искусственным конструктом», но целенаправленная деятельность по ее созданию является *решающей*.

Социальный состав нации определяется кристаллизацией вокруг «среднего класса» на основе «национального интереса»; с этим Манн связывает повышение «агрессивности» и «пассионарности» наций, которые европейский колониализм усилил в максимальной степени. Антиколониальные движения (по Манну, и по Б. Андерсону⁵⁹: «самосознание интеллектуалов» ориентировалось на «образцы», известные им по «месту получения ими образования») также взяли на вооружение «агрессивный

55 Там же, С. 320.

56 Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. С. 130.

57 Манн М. Источники социальной власти: [в 4 т.]. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. С. 275.

58 Там же, С. 291.

59 Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

национализм» и занялись нациестроительством, но этот процесс, в силу ряда причин (не относящихся к проблематике нашей статьи) не был не только завершен, но и даже «потерпел крах»: *нигде*, за границами Европы, так и не возникло государство-нация (Кревельд⁶⁰ специально подчеркивает это обстоятельство; за исключением тех государств, которые *уже существовали*, например, в Юго-Восточной Азии, или в весьма специфических условиях Латинской Америки), то есть нации не обрели «квази-субъектности». То есть в большинстве исследований связь между нацией и государством, специфическая форма нации-государства, признается *необходимой* именно для нации, которая часто определяется в качестве «политической формы народа» (символизация его политического единства в противоположность наличной разделенности (Дж. Агамбен⁶¹): «нация есть политический народ»).

Социальное как «связь»; конструирование «национального».

Таким образом, мы подошли к необходимости *интерпретации социального*, предполагающей *возможность политического*, то есть к изложению аргументов *против* весьма жесткой позиции Х. Арендт⁶². Собственно говоря, здесь наиболее *пригодными* для названной цели являются теория социального Б. Латур⁶³ и *конструктивистов* (как характерный пример мы выбрали теорию нации Р. Брубейкера⁶⁴).

Латур утверждает, что «социологи социального» «обязаны заявлять, что существует только один реальный тип группы, а другие объединения на самом деле ненастоящие, устаревшие, неважные или искусственные»⁶⁵, и что они «считают главным свойством этого мира признание бесспорного существования границ, вне зависимости от того, кто и какими средствами их устанавливает», – в то время как, напротив, «мы ясно сознаем, что главное свойство социального мира – это постоянное проведение людьми границ, отделяющих их от других людей»⁶⁶, и повсеместно и непрерывно исследователи социального «только и делают, что способствуют определению и переопределению групп»⁶⁷. В общем,

60 Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.

61 Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.

62 Арендт Х. Vita activa, или деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

63 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

64 Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы эк-ки, 2012. 408 с.

65 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшей школы экономики, 2014. С. 43

66 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшей школы экономики, 2014. С. 43.

67 Там же, С. 44.

констатирует Латур, «социальные теории пребывают в состоянии покоя, как если бы существование релевантных акторов было полностью независимым от огромного объема работы, который проделывают профессионалы, или что хуже, как если бы эта неизбежная рефлексивная петля мешала социологии когда-нибудь стать наукой»⁶⁸. Верным будет исходить из другого, фактически существующего, положения вещей: «Самый обыденный опыт существования в социальном мире состоит в том, что нас одновременно настигают сразу несколько возможных и противоречащих друг другу призывов объединиться в группы» и «совершенно ясно, что нас вписывают в группу посредством целого ряда вмешательств»⁶⁹. Таким образом, следует отказаться от представления социального как «сущности, напоминающей эфир физиков XIX века» («как и эфир физиков, социальное социологов – это артефакт, порожденный все тем же недостатком релятивности в описании»⁷⁰), и, напротив, представлять социальное таким образом, что оно «не находится ни в каком конкретном месте как вещь среди других вещей, – но оно может циркулировать повсюду как движение, связывающее не-социальные вещи»⁷¹: этим словом Латур «обозначает не какую-то сферу реальности или отдельный элемент, а некое движение, перемещение, трансформацию, перевод, занесение в список. Это ассоциация, возникающая между сущностями, которые никак нельзя признать социальными в обычном смысле, разве что в краткий миг их перегруппировки»⁷².

Такое понимание социального предполагает, что «социальное» и «природное», нужно устранить одновременно»⁷³. «Социальное» и «природное» соотносительны, они определяются друг через друга Их различие, как считает Латур, из «методологического» превратилось в «субстанциальное»: «Когда какое-либо положение дел расщепляется на материальный компонент и прибавленный к нему в качестве аппендикса социальный, ясно одно: это искусственное разделение, навязанное междисциплинарными дебатами, а не порожденное эмпирической необходимостью»⁷⁴. Итак, «в понимании «общества» надо отделять ассоциации – значение, которого мы придерживаемся, – от субстанции, сделанной из социального вещества, значение, от которого мы отказались»⁷⁵.

68 Там же.

69 Там же, С. 43.

70 Там же, С. 144-145.

71 Там же, С. 15.

72 Там же, С. 92.

73 Там же, С. 153.

74 Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Высшей школы экономики, 2014. С. 118.

75 Там же, С. 163.

В общем: «Группы создаются, активности выясняются, объекты играют роль»⁷⁶. Вместе с различием между «социальным и природным» мы избавляемся «от тени субстанциального» в самом социальном. «Ситуативность», «перформативность», «посредники», «ассоциации», снятие различия между «природным» и «социальным», – речи о существенном различии в таком представлении не идет. Границы пролагаются классификацией и каталогизацией, осуществляется процедура «картографирования», – форма социальному придается существенно бюрократически: проведение границы есть бюрократическая процедура управления: «Нам очень поможет в поиске следов стабилизации разногласий, если мы выведем на первый план важное понятие стандартов. Можно сказать, что социология социального циркулирует так же, как физические эталоны, или, еще лучше, что социальные науки – часть метрологии. До исследований науки и в особенности АСТ, стандартизация и метрология были пыльными, специализированными, узкими областями знания, на которые смотрели свысока. Что неудивительно, поскольку их удивительные в действительности достижения были отсечены разрывом между локальным и глобальным, который мы теперь признали искусственным. Как только локальное и глобальное исчезают, становятся очевидными принципиальная важность стандартов и огромные преимущества, которые дает нам метрология – в самом широком понимании этого слова»⁷⁷.

«Иллюзия» представлять социальное субстанциально, по мнению Латура, как раз вызвана *политическими причинами*: публичное должно основываться в «политическом теле», которое как раз и поддерживает представление о социальном как «устойчивом» и «субстанциальном»: только к такому «устойчивому телу» можно отнести *требование* ответственности и моральное вменение (еще требуется «олицетворение»).

Собственно говоря, Брубейкер именно на подобном представлении социального выстраивает свою концепцию нации: «групповость без групп», «переосмысление идентичности», нациестроительство как процесс «фреймирования»⁷⁸. Первое, на что следует обратить внимание: Брубейкер *отрицает*, что проведенное Г. Коном различие между «гражданскими» и «этническими» нациями «может быть подтверждено эмпирически», но, вместе с тем утверждает, что оно продолжает иметь

76 Там же, С. 123

77 Там же, С. 314.

78 Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434; Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273-291

«нормативное значение»⁷⁹. Второе его важное утверждение сводится к тому, что само противопоставление между примордиалистским и ситуативистским пониманием нации, также не основательно: обе эти позиции перестают быть взаимоисключающими и даже могут стать взаимодополняющими; «первое может способствовать разъяснению, казалось бы, универсальной тенденции к натурализации и эссенциализации реальных или приписанных человеческих различий, а последнее помогает объяснить, как этничность приобретает релевантность или весомость в конкретных контекстах»⁸⁰.

Брубейкер не сомневается, что феномены, «называемые расой, этничностью и нацией» «принадлежат к важнейшим социальным и культурным структурам» и «к важнейшим социальным и политическим движениям современной эпохи; но рассматривать эти феномены надлежит посредством их проявления в повседневных практиках: они существуют «лишь благодаря тому, что каждодневно воспроизводятся в обычных способах мышления, разговора и действия бесчисленных неизвестных индивидов»⁸¹. Основная задача, как ее определяет Брубейкер, сводится к тому, чтобы в противоположность естественности точки зрения здравого смысла понимать нацию, этнические столкновения, этнический конфликт как группы и столкновения групп, показать, что аналитическое (научное) исследование может и должно обойтись без «групповости», «этнический конфликт – или то, что лучше было бы называть этнизированным или этнически фреймированным конфликтом – не обязательно нужно понимать как конфликт между этническими группами»⁸², что «характер понимания, интерпретации и репрезентации конфликта и насилия в значительной мере зависит от господствующих интерпретативных фреймов»⁸³. Широкое и повсеместное использование термина «этничность» является больше инструментом создания реальности (посредством интегрирования в политический, административный и т.п. дискурсы), чем способ аналитического описания⁸⁴; более того, многие модернистские (и тем более до-модернистские) концепции нации и национальной идентичности, которые не могут последовательно удерживать различие между аналитическим, нормативным и повседневным, «обнаруживают тенденцию к копированию ключевых атрибутов наци-

79 См., например: Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. С. 20-21

80 Там же, С. 165.

81 Там же, С. 167.

82 Там же, С. 27.

83 Там же, С. 41.

84 Там же, С. 28.

оналистической идеологии, особенно аксиоматического представления об ограниченности и однородности мнимой «нации»⁸⁵.

Брубейкер полагает, что проблемой в понимании нации является ее представление как «группы» а сама «группа представляется беспроблемным, само собой разумеющимся понятием; более того, беспроблемным является не только понятие группы, но и сами «группы», которые понимаются как «вещи-в-мире»⁸⁶. В противоположность этому, он полагает необходимым не столько внимательно следить за удержанием различия между понятием и обозначаемой понятием вещью, но считает необоснованным использование слова «группа» ни как понятия, ни для называния «вещи», ни в аналитической работе, ни в повседневной практике (избежать последнего нельзя, но исследователь должен принимать в расчет, что означаемому «группа» в точном смысле не соответствует никакое «означаемое»). «Группизмом» он называет «тенденцию рассматривать дискретные, ограниченные группы как базовые составляющие социальной жизни, как главных действующих лиц социальных конфликтов и как основные единицы социального анализа. Я имею в виду тенденцию к пониманию этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность. Я имею в виду тенденцию к овеществлению таких групп»⁸⁷. Сам Брубейкер считает, что «этничность, раса и нация должны быть осмыслены не как субстанции, вещи, сущности, организмы или коллективные личности – к чему нас подталкивает образ дискретных, конкретных, осязаемых, ограниченных и живучих «групп», – но в реляционных, процессивных, динамических, событийных и разукрупненных терминах. Иными словами, этнизация, расизация и национализация должны пониматься не как субстанциальные группы или сущности, а как практические категории, ситуативные действия, культурные идиомы, когнитивные схемы, дискурсивные фреймы, организационные устои, институциональные формы, политические проекты и случайные события»⁸⁸. В этом смысле меняется характер понимания *идентичности*, в том числе – необходимой «категориальной» (лучше отказаться от этого слова ввиду его «излишних» и «мешающих», по Брубейкеру, «отсылка») идентичности нации; следует отказаться представлять идентичность как будто она всегда уже «здесь», что она – что-то, что индивиды и группы «имеют», даже если содержа-

85 Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы эк-ки, 2012. С. 83.

86 Там же, С. 22.

87 Там же, С. 23.

88 Там же, С. 29.

нии конкретных идентичностей и границы, разделяющие группы, осмысляются как неизменно текучие. Нежелательна (и по сути неправомерна, как «натурализм») и следует избегать тенденции к «объективированию идентичности», к трактовке ее как «вещи», пусть и послушной вещи, которую люди «имеют», «придумывают» и «строят». Тенденция к объективированию «идентичности», считает Брубейкер, лишает нас аналитического инструментария и ограничивает политические возможности. Она затрудняет рассмотрение «групповости» и «ограниченности» как возникающих свойств конкретной структурной или конъюнктурной ситуации, а не как всегда уже так или иначе присутствующих»⁸⁹. При слабом же понимании можно вообще обойтись без использования самого «концепта», «разукрупнив» (характерный для Брубейкера термин) «идентичность» посредством «раздельного» использования входящих в его состав понятий: «идентификация и категоризация, самопонимание и социальная локализация, общность и связанность»⁹⁰.

Этничность и национализм надо понимать как «конкретные способы обсуждения и восприятия социального мира и как конкретные способы фреймирования политических заявлений, а не как реальные границы, проведенные в природе вещей»⁹¹. Подобное переосмысление вовсе не означает отрицания реальности феномена нации и национализма, но означает, что «их реальность, сила и значимость истолковываются иначе»⁹², решающая сила этнических и национальных идентификаций не зависит от существования этносов и национальностей как субстанциальных групп, групповость может быть одним из модусов этничности, является «переменной, а не константой», может «прибывать или истощаться», этничность не требует групповости, но «действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события»⁹³. Это позволяет понять групповость как процесс, исследовать динамику создания групп, рассматривая это «как социальный, культурный и политический проект»⁹⁴. То есть нация уже представляется *проектом*; дальше все определяется тем, в каком *горизонте* и в *чьих интересах* этот политический проект должен реализовываться.

89 Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы эк-ки, 2012. С. 112-113.

90 Там же, С. 19.

91 Там же, С. 276.

92 Там же, С. 30.

93 Там же, С. 18.

94 Там же, С. 35.

Социальное и политическое в либеральной экономической парадигме; проект республиканской нации.

Итак, можно *иначе* представлять социальность, природу политического действия и политического выбора, чтобы между социальным и политическим не возникало «противоречия», – и тогда будут *сняты* препятствия для успешного продвижения «проекта республиканской нации», – нам необходимо *определить горизонт* для такого *представления*. Это несложно, – более того, после предпринятого нами изложения основных дискурсов нации, определяющих ее *объяснение* в современном общественном знании, вывод является почти *очевидным*. Однако, следует сделать еще два принципиальных замечания. Во-первых, всеми без исключения авторами, принадлежащими разбираемой нами здесь традиции, республиканская нация представляется как «основанная на общественном договоре», поверх любых «особенностей», которые еще «приписываются» (или «действительно принадлежат») заключающим этот договор *индивидам*. Во-вторых, по словам Калхуна, в западном общественном знании отсутствуют сомнения в том, что «с точки зрения современного Запада, индивиды существуют в себе и сами по себе: ни сети отношений, ни всеобъемлющая иерархия не являются основным источником идентичности. Эта современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности – по крайней мере потенциально самодостаточной, самостоятельной и саморазвивающейся...»⁹⁵. Сказанное является *принципами* того, что К. Шмитт называл «либеральной метафизикой»⁹⁶.

Для того, чтобы политический процесс республиканского нациестроительства был успешен, необходимо: во-первых, особое представление *индивида*, на котором основывается *достоверность* принципиального либерального индивидуализма; во-вторых, не менее *особое* представление политики, политической деятельности и политического решения; в-третьих, *действительность* социального должна представляться *в согласии* с представлением действительности в *экономической парадигме политического* (термин Дж. Агамбена⁹⁷), – все вместе данные *представления* являются *парадигматическими*, то есть имеющими *самоочевидность* и выполняющие роль *оснований* («предоставление представления») для любого последующего *рассуждения и доказательства: основоположения* следует *понимать* по аналогии с *аксиомами* (например, геометрии Эвклида), не требующими

95 Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 102.

96 Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.

97 Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.

доказательства, но являющиеся началом и условием возможности любого доказательства, или, что в этом отношении то же самое, – с догмами.

Индивид, представленный как «локус неразложимой идентичности»⁹⁸, имеет «прообразом» кантовского разумного автономного свободного субъекта (все три определения – аспекты одного и того же); такие субъекты *тождественны* по основанию «разума», то есть – в существенном (случаи «несовершеннолетия», «помешательства» и «самоопределения к злу» означают «изъян» в разуме, неважно, устранимый или нет⁹⁹), и случайно различаются по *особенностям*, зависящим от «ситуации». Достаточно разделить, как это делает, например, Д. Лал¹⁰⁰ «ценности» на «материальные», общие для всех, и «космологические», особенные для каждого, и связать первые с *разумом* (как он и делает в духе классической либеральной традиции), как открывается возможность представить индивида *через интересы*: любые «идентичности», отличающие одних от других, приобретают статус «акциденций», – автономному индивиду приписывается способность произвольно их «комбинировать». Индивиды признаются способными к «прозрачной коммуникации» (Хабермас¹⁰¹), любые «разногласия» могут быть решены посредством выдвижения аргументов и их сравнения «на суде разума» (Хофмайстер¹⁰²). Что же касается интересов, то они тоже изначально «сравнимы» и редуцируемы к «экономическим категориям «выгода/издержки», а признанные быть «репрезентированными политически» (потому, что только они «разделяют»: изначальное понимание политики выстраивается вокруг «различий», – между «кальвинистом» и «мусульманином», «живущими в Нью-Йорке, «больше общего, чем их разделяет»: общим для них является *экономический интерес*, который одновременно, как частный, является единственным *политическим различием*), то есть представленными *публично*, – превращают политику в деятельность по «согласованию интересов» и «достижению баланса», которая представляет собой «бесконечную публичную дискуссию» (К. Шмитт¹⁰³) по «организации истины» (Ф.Р. Анкерсмит¹⁰⁴). Любое «политическое самоопределение»

98 Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

99 Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / И. Кант. Сочинения в 8-ми тт., Т. 8, М.: Чоро, 1994. С. 29-38.

100 Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.

101 Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.; Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action, Volume Two: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Translated by Thomas A. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 463 p.

102 Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. 288 с.

103 Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.

104 Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

представляет собой «группирование интересов», и ситуативно может меняться; «космологические ценности» политически безразличны до тех пор, пока не «препятствуют» разумной деятельности по преследованию *выгоды* (так у Лала); если же такое и случается, то квалифицируется как *фундаментализм*, то есть «выход за границы цивилизованности» и учитывать такую позицию в «свободной дискуссии» *не следует*¹⁰⁵. *Здесь можно даже опустить хайдеггеровское определение «новоевропейского субъекта» как «историографического животного»*¹⁰⁶, *зафиксированного в своей наличности* и озабоченного самовоспроизводством, то есть своей *безопасностью*. Такое описание сути *либерального гражданина* видимо снимает возражение Арендт¹⁰⁷ о несовместимости «социального» и «политического»: индивид, сведенный к интересам и озабоченный только интересами, оказывается способным к тому, что теперь называется политическим выбором. Нации получают необходимую «пластичность»; в основу полагается «минимальное соглашение об общем», то есть *политической форме*, обеспечивающей *безопасность* и *баланс интересов*; пока это государство, – но «гражданская лояльность» в «республиканской нации» направлена не на «свое государство», но на *либеральный порядок*, и лишь в той степени, в какой такой порядок еще сохраняет «отжившую историческую форму» государства, то опосредованно и на него, до времени. Только в этом смысле «республиканская нация» может быть представлена как «политическое сообщество».

Политика как процедура «согласования интересов» представляется как *управление*; М. Вебер писал, что «идеальным типом» либерального государства предполагается, что управление им *не отличается* от «управления большим предприятием»¹⁰⁸; по существу, с «прежней политикой» либеральную объединяет только *слово* в качестве «технического термина»: различие между «auctoritas» и «potestas» перестает быть действительным; центром такого политического порядка становится, вместо *суверена* (кому бы он ни приписывался, – неважно), *пустое место* (Анкерсмит¹⁰⁹); собственно, К. Шмитт еще в 30-е годы XX века утверждал, что «организация демократии, как она сегодня осуществляется в государствах буржуазных конституций правовой государственности,

105 Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // politbook. 2020. № 3. С. 80-97.

106 Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. С. 215

107 Арендт Х. Vita activa, или деятельной жизни. СПб.: Алетей, 2000. 437 с.

108 Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 4. Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.

109 Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

направлена на то, чтобы игнорировать народ как таковой, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, к своеобразию буржуазной конституции правового государства относится игнорирование суверена, будь этим сувереном монарх или народ»¹¹⁰.

Республиканская нация первым делом *разрывает связь* с «суверенитетом» (такая связь интерпретируется Б. Яком как главная причина национализма¹¹¹), и становится *моральным сообществом*, имеющим целью *поддержку своих членов* (что нисколько не противоречит тому, что основной мотив вступления в такое сообщество – именно экономический: так утверждал Геллнер¹¹², и с этим в целом согласен Як¹¹³). Нация *определяется* в процессе «противопоставления» другой нации; но действительность, представленная в экономической парадигме, налична (в реальности понятия, которое для того, чтобы стать действительным, нуждается во времени) как глобальная и универсальная; проект республиканской нации является глобальным и универсальным проектом, целью которого является появление «одной всемирной нации» (лояльной одному глобальному порядку): Гринфельд¹¹⁴ прямо указывает на это как на «регулятивную идею» и как на политическую цель. Республиканская нация, таким образом, противопоставляется «абсолютно чуждой» *этнической нации: необходимый «образ врага»*; кандидаты на эту роль в действительности выбираются в соответствии с данной политической целесообразностью (у Гринфельд это – «русская нация»¹¹⁵).

Наконец, проект республиканской нации имеет *нормативный характер*: ее «характерные признаки» определяются в соответствии с *принципами* либеральной идеологии, – либеральная нация есть *политический проект по представлению единства граждан мира* – для действительности, представленной в либеральной версии экономической парадигмы.

Относительно «осуществимости» данного проекта есть некоторые сомнения¹¹⁶; например, К. Хюбнер¹¹⁷ полагает, что просвещенческая по происхождению и сути господствующая в современной политической

110 Шмитт К. Учение о конституции / К. Шмитт. Государство и политическая форма. М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2010. С. 145-146

111 Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42-52.

112 Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

113 Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.

114 Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.

115 Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Представление национализма: структура, содержание, критик // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 3. С. 100-110.

116 Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472-476.

117 Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.

философии идея, согласно которой «в конечном счете именно государственный строй страны является источником верности ей (конституционный патриотизм)», является «абсолютно чужда действительности»¹¹⁸, и что «рациональное конструирование» республиканской нации должно быть непременно «дополнено» таким образом, чтобы ее поддерживал *миф*. Но большинством это считается излишним: «гарантии» для успеха предоставляет *сама действительность*.

Заключение; вывод.

Господствующее в *современности* представление действительности в либеральной версии экономической парадигмы политического выступает горизонтом и основанием для *переопределения* тех «остатков», которая «унаследовала» *новая действительность* от прежних времен. Переопределение имеет парадигмальный характер; это означает конституирование новых «мифических понятий» (К. Шмитт¹¹⁹), в которых реальное (содержание понятия) и действительное *совмещаются*. К числу таковых относится то, что называют «республиканской нацией»: она одновременно является *политическим проектом* и *описанием* одного из существенных *аспектов* представленной парадигмально действительности. Речь снова идет об «исторической необходимости» (в точно таких же терминах, например, описывается глобализация: как необходимая, необратимая и т.д., например, у У. Бека¹²⁰). Но как и любая «историческая необходимость», республиканская нация должна получить своего *агента* (прямая аналогия с «рабочим классом» в некоторых известных вариантах марксизма), которому приписываются и в котором обнаруживаются (здесь это опять одно и то же) необходимые для этой деятельности *свойства*; это – «*исторический герой*», таковым в строительстве республиканской нации является свободный, либеральный, автономный субъект – гражданин либерального политического порядка; его шансы на успех напрямую зависят от того, как быстро и радикально он освободится от «родимых пятен» истории (либеральный порядок *означает* конец истории; он провозглашен *как необходимый вывод* из представления действительности в либеральной экономической парадигме) и от его *настойчивости* в «переработке мира»: все и всё должны стать *подобными ему*, – в остальном он *либерален и толерантен*, и готов допустить любые

118 Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. С. 346.

119 Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма / К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.

120 Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.

«особенности», пока они не стоят на его пути (именно так – у последовательного либерала Д. Лала¹²¹: «любимыми средствами», если нечто «мешает экономической глобализации»). Республиканская нация изначально и по существу является универсальным глобальным проектом либерального преобразования мира. Но: эту работу по преобразованию мира нельзя считать *политической* в той степени, в какой *полемика* возможна только между *разными* (греческое понимание, акцентированное М. Хайдеггером); проект республиканской нации является одним из технологий глобального управления в интересах выгодополучателей либерального глобального политического порядка.

Список литературы:

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Издательство «Европа», 2011. 256 с.
2. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 552 с.
3. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. «Гражданская нация» и суверенный народ: исследование необходимости национальной формы политического единства // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2020. № 5 (114). С. 24-31.
4. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
7. Арндт Х. Vita activa, или деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
8. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004, 288 с.
9. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
10. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
11. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 4. Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 542 с.
12. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
13. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
14. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
15. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? / И. Кант. Сочинения в 8-ми тт., М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29-38.
16. Кревельд М. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
17. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
18. Лагур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М. Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
19. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Дискурс «антитеррористической войны» и справедливая, то есть тотальная, война // politbook. 2020. № 3. С. 80-97.
20. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434.
21. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42-52.
22. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Представление национализма: структура, содержание, критик // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 3. С. 100-110.
23. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472-476.
24. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Социологическое представление возникновения европейских наций: опыт философской критики // Кант. 2021. № 2 (39). С. 209-225.
25. Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 1: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. 503 с.
26. Манн М. Источники социальной власти в 4 т. Т. 2, кн. 2: Становление классов и наций-государств, 1760-1914 годы. М.: Дело, 2018. 507 с.
27. Ридинг Б. Университет в руинах. М.: Изд. дом Гос. ун-та - Высш. шк. экономики, 2010. 299 с.
28. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Практис, 2004. 464 с.
29. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Черные тетради 1938-1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
30. Хофмайстер Х. Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2001. 288 с.
31. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.

121 Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.

32. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма /К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93-170.
33. Шмитт К. Учение о конституции / К. Шмитт. Государство и политическая форма. М.: Изд. Дом. ГУ ВШЭ, 2010. С. 33-236.
34. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.
35. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/ M.: S. Fischer Verlag, 1962. 565 p.
36. Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.
37. Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action, Volume Two: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Translated by Thomas A. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 463 p.

Bibliography

1. Agamben J. Homo sacer. Sovereign power and bare life. M.: Publishing house "Europe", 2011. 256 p.
2. Agamben J. Kingdom and glory. To the theological genealogy of economics and management. M.: St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2018. 552 p.
3. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. "Civil nation" and sovereign people: a study of the need for a national form of political unity // Humanitarian and socio-economic sciences. 2020. № 5 (114). P. 24-31.
4. Altermatt U. Ethnonationalism in Europe. M.: Ed. center of RGGU, 2000. 366 p.
5. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo field, 2001. 288 p.
6. Ankersmit F.R. aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value. Moscow: HSE Publishing House, 2014. 432 p.
7. Arendt H. Vita activa, or active life. St. Petersburg: Aleteyya, 2000. 437 p.
8. Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous identities. M.: Logos Publishing House, 2004. 288 p.
9. Beck U. Cosmopolitan outlook. M.: Center for Research of Post-Industrial Society, 2008. 336 p.
10. Brubaker R. Ethnicity without groups. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 408 p.
11. Weber M. Economy and society: essays on understanding sociology in 4 volumes. Vol. 4. Domination. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2016. 542 p.
12. Gellner E. Nations and nationalism. M.: Progress, 1991. 320 p.
13. Grinfeld L. Nationalism. Five paths to modernity. M.: PER SE, 2012. 528 p.
14. Calhoun K. Nationalism. M.: Publishing House "Territory of the Future", 2006. 288 p.
15. Kant I. Answer to the question: What is education? / I. Kant. Works in 8 vols., M.: Choro, 1994. Vol. 8. P. 29-38.
16. Kreveld M. Transformation of war. Moscow: Alpina Business Books, 2005. 344 p.
17. Lal D. Praise for Empire: Globalization and Order. M.: New publishing house, 2010. 364 p.
18. Latour B. Reassembly of the social: an introduction to actor-network theory. M. Higher School of Economics, 2014. 384 p.
19. Lomako L.L., Maltsev K.G. Discourse of the "anti-terrorist war" and fair, that is, total war // politbook. 2020. № 3. P. 80-97.
20. Lomako L.L., Maltsev K.G. Constructivist paradigm in the study of the nation, nationalism, ethno-national conflict: some criticisms // Eurasian legal journal. 2020. № 8 (147). P. 430-434.
21. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political // Humanitarian and social sciences. 2020. № 6. P. 42-52.
22. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Representation of nationalism: structure, content, critic // Intellect. Innovation. Investments. 2021. № 3. P. 100-110.
23. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Contemporary Political Philosophy and the "Myth of the Nation" by K. Huebner // Eurasian Law Journal. 2020. № 10 (149). P. 472-476.
24. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Sociological representation of the emergence of European nations: the experience of philosophical criticism // Kant. 2021. № 2 (39). P. 209-225.
25. Mann M. Sources of social power in 4 vols. Vol. 2, book. 1: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. M.: Delo, 2018. 503 p.
26. Mann M. Sources of social power in 4 vols. T. 2, book. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760-1914. M.: Delo, 2018. 507 p.
27. Readings B. University in ruins. M.: Ed. house of the State un-ta - Higher. school Economics, 2010. 299 p.
28. Smith E. Nationalism and modernism: A critical review of modern theories of nations and nationalism. Moscow: Praxis, 2004. 464 p.
29. Heidegger M. Reflections VII-XI (Black Notebooks 1938-1939). M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 528 p.
30. Hofmeister H. The Will to War, or the Powerlessness of Politics. Philosophical and political treatise. St. Petersburg: ITs Humanitarian Academy, 2001. 288 p.
31. Huebner K. Nation: From oblivion to rebirth. Moscow: Kanon +, 2001. 400 p.
32. Schmitt K. Spiritual and historical state of modern parliamentarism /K. Schmitt. The concept of the political. St. Petersburg: Nauka, 2016, P. 93-170.
33. Schmitt K. The doctrine of the constitution / K. Schmitt. State and political form. M.: Ed. House. State University Higher School of Economics, 2010, P. 33-236.
34. Yak B. Nationalism and the moral psychology of the community. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 520 p.
35. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt / M.: S. Fischer Verlag, 1962. 565 p.
36. Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action, Volume 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon Press, 1984. 465 p.
37. Habermas Jürgen. Theory of Communicative Action, Volume Two: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason. Translated by Thomas A. McCarthy. Boston: Beacon Press, 1987. 463 p.

Сторчак В.М.

*Доктор философских наук.
Профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Огородникова О.А.

*Кандидат исторических наук. Доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории. Институт гуманитарных наук ГАОУ
ВО Московский городской педагогический университет (МГПУ).*

Сторчак М.В.

*Аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений.
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Российская мессианская идея в контексте современных проблем историософии страны

Средневековая концепция «Москва – Третий Рим» изначально по своей природе была двойственной. С одной стороны, она подразумевала связь Московского государства с внешними духовно-религиозными ценностями. Делая благочестие главной чертой и основой государственной мощи Москвы, эта идея подчеркивала теократический аспект ориентации на Иерусалим («Москва – Новый Иерусалим»). В этом варианте она подразумевала изоляцию от «нечистых» земель – политику изоляционизма.

С другой стороны, Константинополь воспринимался как второй Рим, т.е. в связанной с этим именем политической символике подчеркивалась имперская сущность – в Византии видели МИРОВУЮ ИМПЕРИЮ, наследнице римской государственной мощи.

Таким образом, в концепции «Москва – Третий Рим» сливались две тенденции – религиозная и политическая. Пройдя через многовековую историю Российского государства, приобретая те или иные формы своего выражения, содержательные элементы мессианской идеи не утратили своей актуальности и для сегодняшнего времени.

Лейтмотивом выступлений современного руководства страны служит мысль о том, что Россия должна соизмерять пути своего развития с ее традициями, культурой и историческим прошлым. Схожие мысли можно найти и в публичных выступлениях иерархов Русской Православной церкви: «И пусть каждый, кто служит Государству и обществу, помнит слова известного государственника и реформатора Петра Аркадьевича Столыпина еще в начале XX века сказавшего: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»»¹. В этой связи, сегодня можно выделить некоторые содержания российской мессианской идеи, которые являлись наиболее насущными и актуальными для русской философской и общественно-политической мысли в контексте идеологических перспектив государства.

1. Одной из центральных тем общественной мысли была *идея особого пути и предназначения* России. Россия, исходя из логики мессианского сознания, есть самодостаточная и непохожая ни на кого *цивилизация*. Впервые об этом заговорил еще в начале XIX века великий русский историк Н.М. Карамзин. На этой же точке зрения стояли западники и славянофилы, неославянофилы и почвенники второй половины XIX – начала XX века, большая часть русских философов эмигрантов и евразийцы.

По мнению перечисленных выше философских и общественно-политических направлений, находясь на стыке различных геополитических и культурных влияний, эта цивилизация вобрала и синтезировала в себя различные элементы Запада и Востока. Благодаря этому российскому народу присущи специфические ментальные установки и стереотипы самосознания. Поэтому, любой перенос в чистом, неадаптированном виде и культивирование на российской почве иных цивилизационных ценностей, чреваты негативными последствиями для страны и ее народа. «Все это означает, - писал в свое время известный русский философ И. Ильин, - что государственная форма присуща каждому народу в особицу, вырастая из его, единственного в своем роде, правосознания, и что только политические верхогляды могут воображать, будто народам можно навязывать их государственное устройство, будто существует единая государственная форма, «лучшая для всех времен и народов»... И нет ничего опаснее и нелепее, как навязывать народу такую государственную фор-

1 Приветствие Святейшего Патриарха Алексия по случаю 10-летия Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации // Информационный бюллетень ОВЦС МП. Сентябрь, 2004. № 9. С. 55-56.

му, которая не соответствует его правосознанию...»².

2. Многие российские философы и общественные деятели писали о том, что Запад никогда не был заинтересован в сильной и процветающей России. По их мнению, толчком к этому противостоянию послужили различные религиозные, геополитические, культурные и другие противоречия между Россией и Западом.

Русская традиционно настроенная общественная мысль справедливо считала, что погоня за западными либерально-демократическими ценностями и приоритетами, отказ от своих национальных корней и игнорирование собственной культуры негативно отражается и сказывается на самочувствии и психологическом состоянии народа. Это ведет его к потере своей самоидентификации и мировоззренческих ориентиров. А идеализация процессов глобализации и западного образа жизни, некритичное абсолютизирование так называемых «общечеловеческих ценностей» и демократических принципов воспитывает социальный слой космополитов и культурных отщепенцев. Их самосознание узко и прямолинейно настроено лишь в одном направлении – на отказ от всего российского прошлого и критику его культурных ценностей. Наиболее характерным выражением этих настроений служит следующая фраза великого русского философа И. Ильина: «Запад, - писал он, - интересовался Россией лишь в торговом и военном отношении; да разве еще в смысле расчленения или подчинения ее. ...Россия была *клеветнически ославлена* на весь мир, как «оплот реакции», как гнездо деспотизма и рабства, как рассадник антисемитизма, как колос на глиняных ногах»³. Когда же кто-то хочет дать объективную картину российской действительности и высказать правду о ней, то он, странным образом, наталкивается на уклончивое безразличие и недружелюбное молчание. «Ему, - продолжает Ильин, - не возражают, его не опровергают, а просто – «остаются при своем». *Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда*. Ее пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения». «Нам надо понять это отношение, это нежелание правды, эту боязнь действительности», - делает вывод Ильин. - Поскольку вся европейская *этика истины* смолкает, как только дело коснется России. «Европейцам «нужна» дурная Россия: *варварская*, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; *угрожающая своими размерами*, чтобы ее можно было расчлениить; *завоевательная*,

2 Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 129

3 Ильин И.А. За национальную Россию // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. М.: 1997. С. 631-632.

чтобы организовать коалицию против нее; *реакционная*, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; ... *хозяйственно-несостоятельная*, чтобы претендовать на ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии». «Русский народ может надеяться только на Бога и на себя»⁴, - делает окончательный вывод Ильин, столь актуальный применительно к современной России.

3. Мессианское призвание русского народа и России тесно перекликались до революции у неославянофилов и националистов с *идеей панславизма*: освобождением православных славян от турецкого и западноевропейского ига и объединение их между собой в единый Союз под эгидой России. Панславизм или идея «византийского наследства» - одна из доминирующих тем последних пятисот лет российской истории. Словно не подвластная влиянию времени, она возникает на различных этапах истории государства, будоражит наши умы и влияет на события, чтобы до конца не осуществленная, уйти в небытие, а затем с новой силой ожить в иных обстоятельствах. Подобные же идеи и надежда на Россию как защитницы славянства отчетливо присутствовала у зарубежных славянских авторов, таких как Л. Штур, К. Шафарик и многих других. В этом, по их мнению, заключалась российская «славянская идея»⁵.

Уже во времена Ивана Грозного Московское царство представляла себя защитником и покровителем православия в мире, а сам царь видел себя в ореоле правителя над всеми православными верующими в мире. Начиная с XVIII века в государственных структурах вполне серьезно рассматривалось решение «Восточного вопроса» - образование на развалинах турецкой империи Греко-Славянского союза или Нового Восточного мира – Славяно-Восточной цивилизации со столицей в Царьграде. Во главе этого Союза должен стоять российский император. Это была бы новая империя во главе с российским монархом, о чем еще в свое время мечтал Ф. Тютчев:

И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенят христов алтарь!
Пади пред ним, о Царь России,
И встань, как Всеславянский Царь!⁶

4 Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: 1993. С. 118-119.

5 См.: Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М.: 2002. С. 131-142.

6 Цит. по: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. – СПб.: 1995. С. 310.

В самом русском обществе в XIX веке происходит поворот к сочувственному отношению к панславизму. Вот как об этом писал Пыпин: «Имеет ли наша народная масса сознательное участие в настоящем славянском вопросе? Имеет – чувством сострадания и симпатии к единоверцам, терпевшим невыносимое, злобное иго...». Не осталась в стороне от этого процесса и Русская Православная церковь. Вот что говорил об этом митрополит Московский Филарет: «Славяне и Славяно-Россы – род един. ... Нет сомнения, что любовь родственная усовершенствована и укреплена любовью христианскою»⁷. Именно православие, помимо племенных связей, представляло собой стержневое ядро панславизма⁸.

Панславистские идеи отстаивались не только в теории, но и на практике многих русско-турецких войн, в которых во главу угла ставилась свобода и независимость славянских народов от османского иноземного ига. В последней русско-турецкой войне 1877-1878 гг. за освобождение Болгарии погибло более 200 тыс. русских воинов. Первая мировая война, которая стоила России двух революций, как известно, также началась под эгидой защиты братьев славян. Сотни тысяч советских воинов погибло, освобождая славянские земли от фашистских захватчиков. И совсем недавно во время американской агрессии на Югославию российское общество было солидарно с югославским народом в его борьбе с западными империалистами.

Справедливости ради необходимо отметить, что не все представители российской общественной мысли выказывали столь радужное отношение к панславистской идее. Определенные сомнения по поводу возможной дружбы России со славянскими народностями Европы возникали уже у Н.Ф. Федорова⁹. Более категоричным в этом вопросе был К.Н. Леонтьев. Он считал, что движение современного политического славянского национализма есть не что иное, как видоизмененный «космополитический демократизм»: «Все эти народы, - писал Леонтьев, - идут пока на наших глазах не в гору истинно культурного обособления от Запада и органического своеобразного расслоения внутри, а под гору демагогического внутреннего уравнивания и внешней всесветной ассимиляции в идеале «среднего европейца».

Космополитизм духа, вкусов, нравов и т.д. западных и южных славян,

7 Цит. по: Троицкий Е.С. Вступительная статья // Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем С. XIX.

8 См.: Там же. С. 57-63.

9 См.: Федоров Н.Ф. Философия общего дела // В поисках своего пути... С. 426.

о чем предупреждал Леонтьев, особенно ярко проявился в последнее время в политике многих славянских государств. Все они хотят избавиться от так называемого «восточного комплекса» и быть неотъемлемой частью Запада – «чистокровными европейцами». В результате сознательно теряются все атрибуты своей независимости и оригинальности.

Поэтому, с нашей точки зрения, так важно сейчас для современного российского общества понимание того, что отношение к панславистским идеям должно быть очень осторожным и не таким простым, как это казалось раньше. Он должен носить более прагматичный и объективный характер по отношению к славянскому вопросу. В этом случае хочется напомнить слова великого российского императора Александра III, который говорил следующее: «У России нет друзей в мире, у нее могут быть только союзники. Друзьями России являются только ее сильная армия и военный флот».

4. Идея мессианского призвания русского народа наложила определенный отпечаток на специфику его национального самосознания. Многие дореволюционные философские мыслители и общественно-политические деятели выявляли и подчеркивали такие исключительные качества русского человека, как склонность к всемирной отзывчивости и всепримирению в противовес романо-германской склонности к насилию и подчинению; способность к долготерпению, всепрощению, всечеловечность; способность русского человека усваивать дух и идеи чужих народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций и т.д.

Однако ими же отмечались и некоторые негативные качества русского человека, такие как: гражданско-политическая незрелость (П.И. Ковалевский), отсутствие навыков производительности труда (В. Бернов), правовой нигилизм, враждебность «всякому порядку» и дисциплине и т.д. К такого рода негативным качествам относились и склонность к розни, гражданской раздробленности и неумение самоорганизовываться (А.И. Савенко, П.И. Ковалевский). Разрозненность и раздробленность российских патриотов в начале XX века привело к революциям 1917 года.

Какие же уроки можно извлечь из творческого багажа русских мыслителей, размышлявших в свое время об истории России:

- во-первых, также, как и сегодня, в XIX – начале XX века велась жесткая дискуссия о преемственности курса российской истории. Кто-то идеализировал допетровскую «Святую Русь», другие наоборот, восхищались петровскими преобразованиями и историей имперской, «Великой России». И только лишь небольшая часть русских мыслителей говорила о том, что до и после петровская Россия – это все история единого госу-

дарства и одной нации, и нельзя, даже исходя из воспитательных целей, делить ее на два диаметрально противоположных периода;

- поэтому, во-вторых, необходимо, с нашей точки зрения, прекратить практику деления истории государства на советский и дореволюционный периоды, прекратить находить в каждом из них только плохое или хорошее. У нас есть только одна история - это история России. В ней были как достойные периоды истории, где мы можем гордиться за свою страну, так и негативные моменты, на основе которых мы должны извлечь свои уроки, чтобы этого никогда больше не повторялось в действительности.

5. Современная цивилизационная картина мира характеризуется новой реальной угрозой для национальных культур и традиционных устоев общества - фактом глобализации общественного развития. Интенсивность глобальных взаимосвязей способствует быстрому распространению по всей планете тех форм политической и социально-экономической жизни, тех типов культуры, знаний и ценностей, которые диктуются нам из-за рубежа. Они превозносятся как эталон для подражания, как «общечеловеческие ценности», следование которым предписывается в обязательном и неукоснительном порядке.

Параллельно с процессом глобализации отмечается факт резкого повышения степени человеческой свободы, - это рост интеллектуальной и поведенческой автономии индивидуального человека. На место прежних общественных идеалов встают новые социальные приоритеты, которые характеризуются отказом от понятий государственного или национального единства, фундаментальной утратой мировоззренческой, в частности, религиозной ориентации и т.д.

Вместе с тем, отсутствие общепринятой и понятой обществом идеологии создает вакуум, который всегда заполняется наносным и зачастую чуждым социально-политическим и религиозным содержанием. Этот факт с особой очевидностью подтвердился в последние десятилетия, когда Россию заполнили всевозможного рода социально-политические концепции и религиозные движения, проповедующие ценности западного или восточного мира.

Смена идеологической парадигмы, а лучше сказать отсутствие этой парадигмы, привело к следующему неутешительному факту: страна, в которой столетиями существовала и культивировалась четкая и преемственная государственная идеология, осталась вообще без какой-либо идеологии. Это способствовало болезненной в психологическом плане ломке прежних идеологем и стереотипов, поиску альтернативных пу-

тей развития, разброду и смуте в общественном сознании. Развернувшиеся в стране в начале 90-х гг. XX века дезинтеграционные процессы провоцировались политической нестабильностью, религиозно-этническим сепаратизмом и радикализмом. В условиях поликонфессионального общества противоборствующими сторонами активно используются национальные религии в интересах отдельных групп общества и для решения текущих конъюнктурных политических задач. Это создавало и создает еще сегодня идеальные условия для дестабилизации обстановки в государстве и возникновения в нем конфликтов на национальной и религиозной почве.

Российский мессианизм, претерпевая в своей истории существенные трансформации и облекаясь в различные идеологические формообразования, придавал своеобразные, специфические черты ментальным структурам «московита», россиянина и советского человека. Включение их в идеологическую канву государственной политики служило мощным средством социальной терапии в российском обществе многие столетия, и наоборот, игнорирование этих доминант в идеологии служило существенным фактором для дестабилизации, распаду моральной и духовной традиции, дезориентации и разобщенности членов общества, о чем свидетельствует последнее десятилетие российской истории.

Поэтому сейчас все больше ощущается потребность и особенно актуально решение вопроса *национальной идеи*, которая опиралась бы на традиционные исторические ценности и духовные ориентиры российского народа и послужила бы основой в выработке государственной политики. До Петра Великого Россия жила и одухотворялась идеей «Святой Руси», после петровская Россия – идеей «Великой России». В советское время в идеологии страны также доминировала идея великого государства – Союза Советских Социалистических Республик. Сегодня у нас нет никакого идеологического стержня, который бы скреплял и консолидировал силы нашего многонационального и многоконфессионального народа. Более того, конституция Российской Федерации в ст. 13.2. запрещает вообще иметь государству свою идеологию: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». О чем это говорит? Это говорит о том, что мы не имеем право воспитывать своих граждан в духе патриотизма и гордость за ее историю; это значит, что мы должны выбросить из нашего политического словаря слово «Великая», когда говорим о России и т.д. Когда-то П.Я. Чаадаев говорил следующее: «Иногда кажется, что Россия предназначена только к тому, чтобы показать всему миру, как не

надо жить». Подобного рода законы, запрещающие государству иметь свою идеологию и использовать ее в воспитательных целях и являются, с нашей точки зрения, примером того, чего не надо делать. Сегодня мы стоим перед задачей создания принципиальных основ идеологической конструкции государства. Потому что любая держава (а Россия была и будет государством державного типа), как показывает история, для того, чтобы существовать и не рассыпаться как карточный домик, просто обречена на наличие в ней стройной системы идеологических конструкций, на которых и строятся опоры государства.

Список литературы:

1. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. М.: «Логос», 1997. 752 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, Издательство «Глаголь», 1995. 552 с.
3. Ильин И.А. Мировая политика русских государей // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. - М.: Русская книга, 1993.
4. Ильин И.А. О монархии и республике // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 107-151.
5. Приветствие Святейшего Патриарха Алексия по случаю 10-летия Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации // Информационный бюллетень ОВЦС МП. 2004. № 9. С. 55-56.
6. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем / Вступит. статья Е.С. Троицкого. – М.: АКИРН, 2002. 195 с.

Bibliography

1. In search of their own way: Russia between Europe and Asia. Reader on the history of Russian social thought of the XIX and XX centuries. M.: "Logos", 1997. 752 p.
2. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe: A Look at the Cultural and Political Relations of the Slavic World to the German-Roman World. - St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, Glagol Publishing House, 1995. 552 p.
3. Ilyin I.A. World policy of Russian sovereigns // Ilyin I.A. Collected works: In 10 volumes - M.: Russian book, 1993.
4. Ilyin I.A. On the Monarchy and the Republic // Questions of Philosophy. 1991. № 4. P. 107-151.
5. Greetings from His Holiness Patriarch Alexy on the occasion of the 10th anniversary of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation // DECR MP Information Bulletin. 2004. № 9. P. 55-56.
6. Pypin A.N. Pan-Slavism in the past and present / Enter. article by E.S. Troitsky. – M.: AKIRN, 2002. 195 p.

Гришин О.Е.

*Кандидат политических наук,
доцент кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов.*

Чистов И.С.

*Студент II курса магистратуры
кафедры политического анализа и управления,
Российский университет дружбы народов.*

Колпаков М.В.

*Студент II курса магистратуры
кафедры политического анализа и управления,
Российский университет дружбы народов.*

Политика - XXI век: новый взгляд на проблемы войны и мира

Исследователи утверждают, что в XXI веке характер войны изменился. На деле война не стала менее смертоносной и разрушительной. Изменились лишь методики ведения борьбы. В настоящее время пропаганда и информационная война является частью военной стратегии. Война происходит не только на основном театре военных действий, она также происходит в сознаниях людей, на информационном поле. Изучение механизмов и приемов управления общественным мнением приобретает как теоретическое, так и практическое значение.

Изучение принципов и механизмов формирования общественного сознания всегда являлось актуальной темой. Главная особенность общественного мнения состоит в том, что с его помощью возможно формирование как обоснованных, так и необоснованных фактов.

Овладение и понимание принципов управления массовым сознанием является особенно актуальной темой в политической сфере. На любое событие или явление общество реагирует либо своим одобрением, либо осуждением. То есть общество зачастую дает свою оценку происходящим вокруг него явлениям. Этим во многом пользуются политики, стараются использовать в своих целях, занимаются агитацией или пропагандой.

Обладание информацией – это важнейшая потребность современного

человека. Информация может преподноситься как в объективном, так и в измененном варианте. В цифровую эпоху использование пропаганды и манипулирование общественным сознанием стало одними из основных методов ведения вооруженных действий¹. Политики активно стараются применять метод «коммуникативного оружия», которое воздействует на психологическое состояние людей².

Обращение внимания к данной проблеме особенно важно по причине современной политической ситуации, когда на фоне украинского кризиса разворачивается информационная война. Примечательно, что все упомянутые ниже стратегии формирования общественного мнения проявляются на фоне развивающегося конфликта между Россией и Украиной³.

Одним из самых главных механизмов управления массами являются Средства массовой информации (СМИ). Как СМИ манипулируют нашим сознанием? Н. Хомский описал 10 стратегий формирования общественного мнения⁴.

Стоит обратить внимание на то, что сегодня в целях пропаганды могут быть использованы многочисленные платформы. Влияние распространяется через телевизор, газеты, интернет, социальные сети. Таким образом инструменты влияния все больше расширяются. При этом само воздействие этих платформ не всегда оказывается положительным.

Первая стратегия, которую отмечает Н. Хомский в своем исследовании, это стратегия отвлечения внимания. Она является любимым механизмом формирования общественного мнения у СМИ. Суть ее состоит в том, что человек не сможет заметить действительно значимое событие в информационном потоке незначительных историй.

Основа стратегии — это заполнить мозг мелочами и не оставить места для размышлений над по-настоящему важными социальными проблемами. Такое влияние лишь усиливается с помощью Интернета. Часто в потоке новостных лент будь то Instagram, Facebook, ВКонтакте, мы всегда переключаемся на забавные картинки и шутки. Пролистывая ленту новостей человек скорее будет кликать на фотографии милых котиков, нежели просматривать репортаж с разрушенными последствиями войны.

1 Авцинова Г.И., Аршинова А.И., Беспалов С.В., Гришин О.Е., Давыдов В.Н., Доная Л., Липинский А., Нестерчук О.А., Шукуралиева Н. Современные угрозы государству и обществу. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. 306 с.

2 Иванов А.А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: Учебно-методическое пособие. СПб., 2017. С. 24.

3 Михайлов В.А., Михайлова Н.В. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. № 6 (1642). С. 143-162.

4 Хомский Н. Будет так, как скажем мы! М.: Азбука-Аттикус, 2013. 256 с.

Вторая стратегия заключается в преувеличении проблемы. Выдуманная или преувеличенная проблема вызывает значительную реакцию в обществе. Этого и добиваются СМИ - чтобы все обсуждали.

Этот метод во многом используется сейчас на Украине. В украинских СМИ русские предстают в качестве оккупантов. Помимо этого, в Украине уже долгое время транслируется идея о том, что Украина не Россия и никогда ею не была⁵. Во многом то, что сейчас говорят украинцы обусловлено страхом и шоком от разворачивающихся событий.

Более того этим методом активно пользуются зарубежные СМИ, которые до 24 февраля 2022 года активно писали о готовящемся вторжении России на Украину⁶. Вашингтон публиковал разведданные, таким образом шло активное нагнетание ситуации, дезинформация и провокация. Хотя российское руководство неоднократно заявляло о том, что нападать ни на кого не собирается.

Следующая стратегия включает в себя постепенное информирование. Логика заключается в том, чтобы создать определенное мнение, всю информацию необходимо публиковать постепенно, дозированно. Этот метод помогает формировать определенный политический имидж, или с выгодной точки зрения трактовать происходящие события. Например, если обо всех новых экономических условиях рассказать сразу, то это может стать причиной восстаний. Однако если выкладывать информацию постепенно, то это не покажется обществу таким уж катастрофическим.

До начала операции в Украине зарубежные СМИ постепенно все больше и больше писали об агрессивных настроениях России. Европа призвала своих граждан как можно быстрее покинуть территорию Украины. В конце концов Америка и Европа стала угрожать стремительным введением санкций в случае вторжения российских войск.

Еще один популярный метод, используемый СМИ, - откладывание «больших» решений. Для убеждения принять непопулярное решение СМИ могут представить его как трудное, но абсолютно необходимое. Уникальным является то, что СМИ в сознание человека вкладывает идею о том, что принимать решение необязательно сегодня, это можно сделать завтра.

Например, когда в обществе начинает транслироваться намерения правительства повысить налоги. Это преподносится как неизбежное

5 Баранов В.П. Украина-НАТО: Проект Анти-Россия // Военная мысль. 2022. № 1. С. 80.

6 Мироненко В.И. «Fatigue Украина». Гордиев узел европейской безопасности // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2022. № 1. С. 27.

грядущее явление. Первая мысль, которая возникает у человека, это отрицание. Однако СМИ в этот момент как будто дает успокоительное людям и говорит, что это неизбежно, однако произойдет через два года. Психология человека воспринимает уже эту новость не как самое страшное событие в жизни, а неизбежное.

Другие образцы включают в себя референдумы о независимости или диктаторские режимы в развивающихся странах, которые основаны на государственной пропаганде или авторитаризме. Данная стратегия хорошо просматривается в событиях присоединения Крыма к России. В газете «Аргументы и факты» тогда писали, что присоединение Крыма — это исторически обусловленное событие⁷. Крым долгое время принадлежал России. Решение Н.С. Хрущева о передаче территории Украине не имело официальной силы. В связи с этим общество постепенно готовили к предстоящим изменениям.

В современной ситуации действия России также были обусловлены еще задолго до начала операции. Война на Украине идет уже давно. В.В. Путин в частности говорил об опасности милитаризации Украины. В российских СМИ часто публиковался материал о том, что западные государства своими военными поставками только усугубляют положение Донбасса, а также создают угрозу Крыму⁸. Перед началом военной операции и вовсе все часто в средства массовой информации стали просачиваться сведения о том, что сама Украина сосредотачивала свои войска на границах с Российской Федерацией.

Н. Хомский также писал, что СМИ часто еще используют метод, который может быть назван чрезмерной добротой. Такая коммуникация с обществом весьма выгодна, ведь она снижает уровень критики. При таком подходе СМИ используют покровительственный тон, показывая тем самым, что они знают больше, чем все остальные.

На фоне непрекращающегося информационного потока в Украине министерство иностранных дел в феврале призывало сохранять спокойствие и стараться избегать тех действий, которые могут только расшатывать страх и непонимание, что может привести в свою очередь к массовой панике.

СМИ использовали покровительственный подход. На фоне разговоров о том, что Россия готовится развернуть широкомасштабные дей-

7 Голоусова Е.С., Амиров В.М. Крымский референдум и интерпретация его итогов в СМИ (на примере анализа российской и американской печати) // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 55-59.

8 Сальников В.И. Вооруженный конфликт на Донбассе в контексте «Столкновения цивилизаций». 2021. № 4. С. 361.

ствия президент Украины выступал с заявлениями о том, что никакой войны сейчас нет, и даже если и будет, то украинские силы готовы отстаивать целостность и суверенитет страны.

Другой примечательный инструмент формирования общественного мнения — это игра с чувствами, а не с разумом. Необходимо понимать, что преподнесение любых новостей невозможно без эмоций. Рациональную часть мозга блокируют эмоции, что не дает нам возможности анализировать факты объективно, и это в свою очередь приводит к искажению реальности, а в последствии приводит к информационным войнам.

Когда мы видим демонстрантов с закадровым переводом, бывает трудно определить за что или против чего выступают митингующие. Этим часто пользуются политические деятели. Война всегда вызывает глубокие эмоциональные реакции. Поэтому в СМИ зачастую появляются сфабрикованные истории или фальшивые фотографии (также известные как «фэйки»). Одна и та же фотография, показанная с разных углов, может вызывать разные эмоции от ненависти до страха. А средства массовой информации только этого и добиваются.

Этим активно сейчас пользуются СМИ Украины. В сети Интернета все больше появляется фейковой информации о том, что Россия устраивает бомбежки по мирным регионам, страдают мирные граждане. Все больше появляется фотографий, которые демонстрируют раненых пожилых, детей. В ход идут самые грязные методы, которые добиваются того, чтобы надавить на жалость. Потому что любой человек, который способен чувствовать, проявит хоть какую-то эмпатию. Этого и добивается украинская пропаганда. В подобных публикациях русский военный воспринимается как зверский оккупант, а украинский – защитник Родины.

Еще один излюбленный метод, применяемый СМИ и политиками, в частности, это сокрытие информации. СМИ и правительство могут манипулировать любым обществом. Люди во многом внушаемы и чем больше ощущается у них недостаток в образовании, тем больше они подвержены чужому влиянию. В свое время Н. Хомский писал, что доступ к информации у обычного человека и элиты сильно различаются между собой. Однако сегодня, в XXI веке, в эпоху цифровой эры, мы способны сами найти любую интересующую нас информацию. Уровень образования уже не имеет такого большого значения.

На Украине в средствах массовой информации постоянно трансли-

руются сведения о том, что Россия стягивает свои войска, проводит свои военные учения вблизи границ. Однако никто не писал в это время о тех многочисленных вооруженных поставках, которые Запад оказывал Украине, о размещении военных формирований самих украинцев вблизи границ с Россией. Таким образом, СМИ транслировало то, что необходимо было официальной власти. А имея в виду тот факт, что антирусские настроения уже давно поощрялись на территории Украины, поверить в агрессивные намерения России украинскому народу было вполне несложно⁹.

Н. Хомский также выделял стратегию продвижения посредственных продуктов. Современные информационные ресурсы показывают, что быть глупым и невоспитанным это нормально. Поэтому в мире так сильно популярны многочисленные сериалы, на них снимаются сиквелы, приквелы и т.д. Их цель заключается в том, чтобы отвлечь внимание от действительно серьезных проблем.

Самым опасным и не побоимся этого слова грязным методом управления массами является метод давления на совесть. При таком подходе СМИ политические деятели стараются принудить людей чувствовать себя виноватым в проблемах местного или глобального масштаба. К примеру, вину за войны, организованные руководством страны.

Один из ярких примеров тому был продемонстрирован в 2014 году. В этот год в ленте новостей появилась фотография сирийского мальчика, лежащего на могиле своих родителей. Этот снимок был получен в регионе военных действий, тем не менее, он являлся частью проекта «Любви к близким». Автор фото был шокирован, когда узнал, как же были использованы его работы.

Единственная возможность не поддаться данному воздействию – это оставаться по возможности объективным и не опускаться в эмоции и чувство вины. Никто из нас лично не виноват в происходящих событиях, что где-то на земле идет война. А те, кто виноват просто хотят, чтобы вы чувствовали себя козлом отпущения за их действия.

То же самое происходит и на Украине сейчас. В России стали просачиваться фотографии с мест бомбежек, раненных жителей Украины. При этом все фотографии сопровождалось антироссийскими подписями. Многие сопровождалось надписями: «Вот, что делают русские!», «Это все Россия!». Цель подобных информационных «вбросов» – вызвать чувство вины у всего российского народа.

⁹ Годованюк К.А. Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании // Постсоветские исследования. 2021. № 5. С. 430.

Многие посты в популярных социальных сетях, например, Instagram, призывали российский народ выходить с митингами, выступать против российской власти. В связи с этими событиями Роскомнадзор принял решение ограничить доступ к Instagram, Facebook и другим новостным лентам, которые распространяют ложную информацию о России.

Зачем это делается? Не для того, чтобы сокрыть правду. Психология масс работает так, что многие люди в виду недостаточно устойчивой психики начинают поддаваться панике, не могут отделить объективную информацию от навязанной извне. Чувство паники перекидывается на многих окружающих, степень недоверия может только расти, а значит пропаганда зарубежных государств оказывается успешной. Это одно из последствий информационной войны, которая активно разворачивается в нынешнее время. Пропаганда ведется не только внутри страны, но и активно в государстве противника. Умение пресечь ложные потоки информации – главная задача российского правительства.

Наконец СМИ активно используют методы психологического воздействия и нелегальные приемы. СМИ всегда стремятся узнать все и обо всех. В частности, в 2005 году британская газета «News of the world» была поймана за нелегальным прослушиванием знаменитостей, политиков и даже членов королевской семьи. Полученная таким способом информация применялась при написании эксклюзивных статей.

На фоне кризиса в Украине в сети Интернет на некоторых платформах, например, в «Youtube» иногда просачивались вирусные рекламы, агитирующие против русского населения и главы Российской Федерации.

Проблема заключается в том, как определить, где в столь огромном потоке информации правда, а где вымысел? Создание мифов характерно не только отдельным индивидуумам, но даже целым историческим эпохам (например, псевдокельтские поэмы, приписанные Оссиану).

Существует огромное количество разнообразных причин, побуждающих лгать в политике. Среди наиболее популярных – тщеславие и скрытность. Следующая причина – корысть. Средства массовой информации в условиях войны стараются обелить собственное государство и всю вину за развязывание конфликта перекладывают на противника.

Причиной мифомании может быть даже невольное заблуждение, которое по ступеням может перерасти в ложь. Причина этому – лень ума. Людям проще поверить кому-то, чем самим докопаться до истины.

Безусловно, в век информационных технологий стало очень легко набрать в интернет-поисковике нужную тебе информацию, и интернет

уже предоставляет тебе огромное количество новостных сюжетов. Но здесь возникает проблема. В избытке той информации, которая сейчас содержится повсюду (интернет, журналы, газеты, монографии и т.д.), мы вынуждены признать, что подвержены существующей сейчас глобальной гиперинфляции. Как при таком огромном количестве информации вычленишь что-то действительно полезное и достоверное для нас простых граждан?

Здесь стоит признать, что в современном мире мы сталкиваемся со своего рода противоречием. С одной стороны, гиперинфляции, которая просто пестрит как пропагандой как с одной стороны, так и с другой. Западные СМИ пишут одно, российское правительство в свою очередь все отрицает. В этой связи мы сталкиваемся с недостатком информации, так как не вся правда доступна нашему вниманию, по разным причинам (например, секретность).

Рассмотрев основные стратегии формирования общественного мнения, можно сделать ряд выводов. Средства массовой информации часто применялись как инструменты пропаганды. В современную цифровую эпоху роль медиа особенно важно, потому что именно оно формирует общественное сознание. Уникальность в том, что сейчас существует огромное количество платформ, новостных лент, социальных сетей, через которые мы получаем информацию.

Представители глобального сообщества – это в первую очередь потребитель товаров, который подвержен влиянию телевизионных реклам и информационных сетей. Человек сейчас живет в эру гиперинфляции. Очень много статей и монографий издаются, распространяются на просторах интернет-ресурсов. Каждый день появляются тысячи статейных заголовков, которые просто невозможно проанализировать и структурировать в достаточно точное и понятное изложение простому гражданину.

Отсюда возникает проблема – как усвоить столь огромный информационный поток? К тому же нужно непременно учитывать, что многие материалы даже не носят объективный характер, что ставит человека далекого от политики в ступор и недопонимание, или еще хуже в неправильное трактование политических событий.

Как считают многие исследователи, современным положением культура обязана СМИ и коммуникации. Сегодня восприятие мира происходит на качественно новой основе – многомерном восприятии мира с помощью электронно-коммуникативных средств: замещении печат-

но-книжных знаков радиотелевизионными средствами коммуникации. Эти процессы приводят к стремительному и легкому приобщению масс к достижениям культуры, создавая определенные идеалы и принципы жизни.

Современная эпоха манифестирует расширение пространства культуры. Это происходит в социальном контенте, в личных связях и отношениях, в образе и стиле жизни. Научно-технические открытия стимулируют технологические изменения в производстве, социальной сфере, культурном производстве, а также развитие нового информационного мышления, существенно расширяющего пространство культуры, все более трансформирующегося в медиапространство культуры.

В современную цифровую эпоху политические силы при ведении боевых действий также пользуются методами «информационной войны». Формирование общественного мнения используется в качестве манипуляции и пропаганды с целью влиять на людей¹⁰. В современном мире это возможно благодаря задействованию средств массовой информации.

Таким образом, формирование общественного мнения несет за собой не только положительные, но и отрицательные стороны. Рассмотрим на примере современной политической ситуации на Украине. Использование СМИ как средство информационной борьбы активно используется двумя сторонами. С одной стороны, в условиях военных действий правительство вынуждено применять методы воздействия на психологию масс. Этим пользуются, дабы рассеивать панику между людьми, вселять надежду и уверенность. С другой стороны, в условиях информационной войны человек вынужден испытывать на себе воздействие враждебной пропаганды. На примере с Украиной СМИ активно распространяют сведения об агрессивных намерениях Российской Федерации. Для продвижения своих позиций используются российские новостные ленты, социальные платформы. Формирование общественного мнения непосредственно связано с управлением массами в политике. Почему сейчас не нужно сходить на агрессию, на ненависть и на жестокость? В политологии есть очень простое правило управление психологией массами. Любой конфликт происходит по инициативе и выгоде кого-то. Конфликт продолжается ровно столько, сколько живет ненависть и агрессия. Пока вы ненавидите кого-то, вы живете в конфликте. В условиях информационной войны важно не поддаваться

10 Нестерчук О.А. Мораль политики и политика морали в системе международных отношений // Безопасность Евразии. 2012. № 1. С. 65.

панике, проверять всю имеющуюся информацию, стараться подходить к оцениванию событий с максимально объективной точки зрения. Манипуляции общественным мнением в политике часто дезориентирует население, делает их психоэмоциональное состояние напряженным и усиливает дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации.

Список литературы:

1. Авцинова Г.И., Аршинова А.И., Беспалов С.В., Гришин О.Е., Давыдов В.Н., Донай Л., Липинский А., Нестерчук О.А., Шукуралиева Н. Современные угрозы государству и обществу. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. 306 с.
2. Баранов В.П. Украина-НАТО: Проект Анти-Россия // Военная мысль. 2022. № 1. С. 78-85.
3. Годованюк К.А. Украина в контексте внешнеполитических интересов Великобритании // Постсоветские исследования. 2021. № 5. С. 427-234.
4. Голоусова Е.С., Амиров В.М. Крымский референдум и интерпретация его итогов в СМИ (на примере анализа российской и американской печати) // Политическая лингвистика. 2016. № 2. С. 55-59.
5. Иванов А.А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения. СПб., 2017. 72 с.
6. Мироненко В.И. «Fatigue Украина». Гордиев узел европейской безопасности // Научно-аналитический вестник института Европы РАН. 2022. № 1. С. 25-34.
7. Михайлов В.А., Михайлова Н.В. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. 2013. № 6 (1642). С. 143-162.
8. Нестерчук О.А. Мораль политики и политика морали в системе международных отношений // Безопасность Евразии. 2012. № 1. С. 65.
9. Сальников В.И. Вооруженный конфликт на Донбассе в контексте «Столкновения цивилизаций». 2021. № 4. С. 359-365.
10. Хомский Н. Будет так, как скажем мы! М.: Азбука-Аттикус, 2013. 256 с.

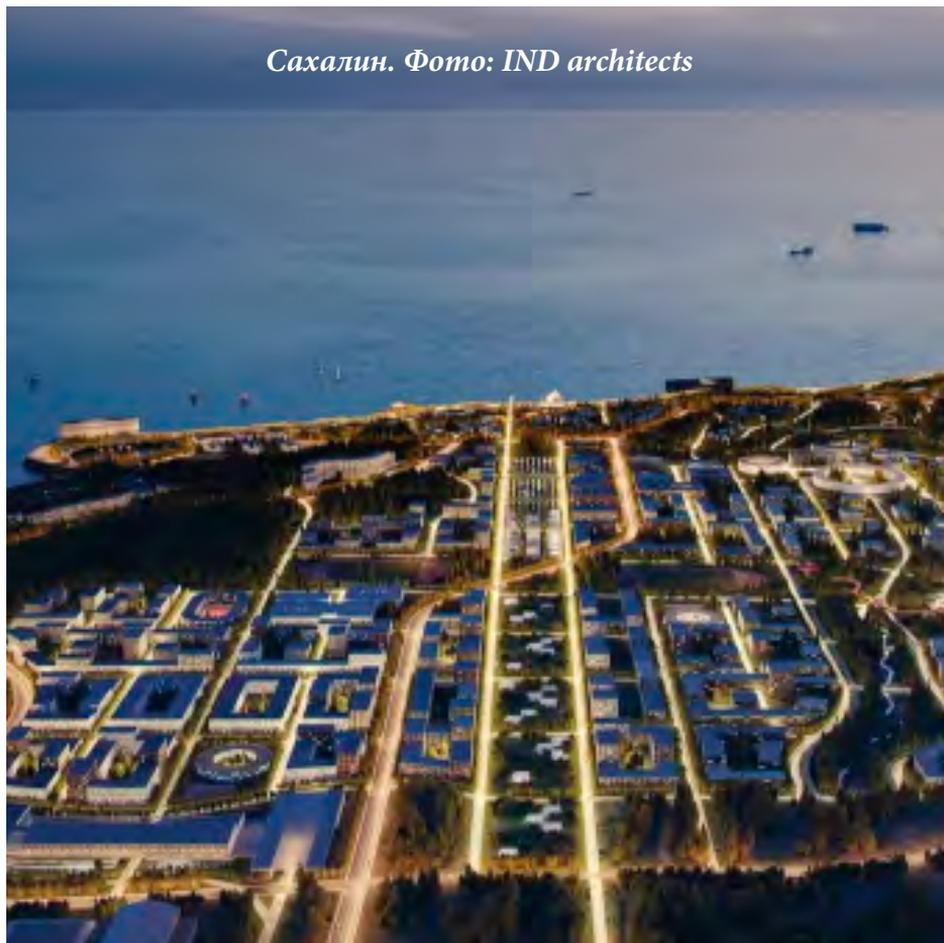
Bibliography

1. Avtsinova G.I., Arshinova A.I., Bepalov S.V., Grishin O.E., Davydov V.N., Donai L., Lipinsky A., Nesterchuk O.A., Shukuralieva N. Modern threats to the state and society. M.: Peoples' Friendship University of Russia, 2018. 306 p.
2. Baranov V.P. Ukraine-NATO: Project Anti-Russia // Military Thought. 2022. № 1. P. 78-85.
3. Godovanyuk K.A. Ukraine in the context of British foreign policy interests // Post-Soviet Studies. 2021. № 5. P. 427-234.
4. Golousova E.S., Amirov V.M. The Crimean referendum and the interpretation of its results in the media (on the example of the analysis of the Russian and American press) // Political Linguistics. 2016. № 2. P. 55-59.
5. Ivanov A.A. Communicative Space of War: Propaganda and Public Moods. SPb., 2017. 72 p.
6. Mironenko V.I. Fatigue Ukraine. Gordian Knot of European Security // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 1. P. 25-34.
7. Mikhailov V.A., Mikhailova N.V. Was Russia a "prison of peoples"? // Free thought. 2013. № 6 (1642). P. 143-162.
8. Nesterchuk O.A. The morality of politics and the politics of morality in the system of international relations // Security of Eurasia. 2012. № 1. P. 65.
9. Salnikov V.I. Armed conflict in the Donbass in the context of the "Clash of Civilizations". 2021. № 4. P. 359-365.
10. Chomsky N. It will be as we say! M.: Azbuka-Atticus, 2013. 256 p.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сахалин. Фото: IND architects

Махмудов А.С.

*Кандидат политических наук,
доцент кафедры прикладная информатика в юриспруденции,
Дагестанский государственный
технический университет. Эксперт РОО «Город – XXI век».
Член Научного Совета рецензируемого журнала «Власть истории».*

Политическая регионалистика и её место в системе политологических знаний

В настоящее время отмечается рост интереса научного и управленческого сообществ к региональным политическим исследованиям, к политической регионалистике. Современная российская политическая регионалистика возникла в начале 1990-х годов. На первых порах она представляла собою несколько трансформированное продолжение советской политической и экономической географии, одновременно с этим испытывая частичное влияние западной политической науки.

Сегодня можно говорить о завершении начальной фазы складывания политической регионалистики как самостоятельного вектора научно-исследовательской деятельности. В качестве научной и учебной дисциплины она имеет собственный категориальный аппарат и подчиняется конвенционально принятым критериям верификации и оценки. Количество региональных политических исследований постоянно расширяется, идёт процесс накопления эмпирических данных, уточняются предметные границы между политической регионалистикой и близкими к ней по контенту смежными отраслями научного знания – традиционной, «классической» политологией, региональной политологией, краеведением, а также популярными на Западе «областными штудиями» и «региональной наукой».

Несмотря на присутствие в политической регионалистике некоего географического компонента, она со всей очевидностью входит в круг политологических дисциплин, впитывая в себя теоретические и практические наработки, достигнутые в рамках таких политологических специальностей как «политические институты, процессы и технологии», «политическая культура» и «этнополитика». Будучи ответвлениями от общего ствола политологии, все эти специальности, касаются таких политологических тем как природа политической власти, обеспечение

легитимности властных структур, пути усовершенствования политико-правовых основ государства и общества и т.п.

Для глубокой проработки названной тематики политологическим наукам приходится обращаться к научно-категориальному багажу различных гуманитарных и обществоведческих специальностей – истории, философии, социологии, правоведению, интегрируя часть этого багажа в собственном исследовательском поле. В историческом ракурсе все политологические специальности в их современном виде являются достаточно «молодыми», ибо «авторизация» самой политологии в нашей стране произошла относительно недавно – в 1989 году. Тогда эта дисциплина была введена в реестр специальностей российских вузов, и тогда же открылись первые политологические кафедры и отделения в Ленинградском госуниверситете, МГУ, РУДН и МГИМО.

Среди политологических дисциплин, входящих в нынешнюю научную классификацию, политической регионалистике принадлежит точно идентифицируемое место. В её терминологическом ряду центральное значение принадлежит категории «политический регион». Это означает, что предметное поле политической регионалистики вбирает в себя вопросы о формировании, функционировании и развитии политических регионов – особых региональных единиц, трактуемых одновременно и как пространственно-территориальные, и как политические образования. В наличии областей, обозначаемых как «политические регионы», отражена присущая России неоднородность географического, политического, культурного пространства. Стоит сказать, что подобная неоднородность свойственна практически всем относительно крупным по территории государствам.

Специалисты по политической регионалистике отмечают, что «политические регионы могут совпадать с административно-территориальными единицами государства, включать в себя ряд таковых либо иметь границы, не совпадающие с административно-территориальным делением», так как «в совокупности базовых признаков региона первенствует территориальная идентичность – устойчивое самосознание населения, подтверждающее сформированность регионального сообщества» [1, с. 311]. Изучая политические регионы, исследователи акцентируют внимание на их характерных, доминантных признаках, выделяющих эти регионы из конгломерата им подобных образований.

В реальной исследовательской практике, развивающейся согласно своей собственной логике, вышеназванные признаки чаще всего рассма-

триваются всё же в привязке к юридическим, административно-территориальным границам внутри государства, делая, таким образом, самым распространённым типом политического региона то, что обозначается как «административная единица». В России к административным единицам относятся территориальные образования различных уровней, начиная от муниципальных районов и заканчивая федеральными округами. При этом в российской политической науке приоритет в употреблении термина «политические регионы» закрепился за территориями вполне определённого уровня, именуемыми «субъектами Федерации». К ним относятся области, края, республики, города федерального значения, автономные округа и автономные области.

Согласно Конституции, Россия является федеративным государством и состоит из 85 равноправных субъектов, 46 из которых имеют статус областей, 22 – республик, 9 – краёв, 4 – автономных округов, 3 – федеральных городов, 1 – автономной области [6]. Во взаимоотношениях с федеральными органами власти субъекты Федерации обладают одинаковыми правами, обязанностями и полномочиями при решении вопросов, не относящихся к исключительным прерогативам центра. Каждый субъект имеет собственную систему исполнительных и законодательных органов власти, свой устав либо конституцию, собственный порядок применения административно-правовых норм. Все субъекты Федерации наделены правом делегирования двух представителей в верхнюю палату российского парламента – Совет Федерации. Право выхода регионов из состава Федерации Конституцией России не предусмотрено.

При этом нельзя упускать из виду, что законодательно закреплённое правовое равенство субъектов Федерации не означает, что между их реальным политическим и экономическим весом нет никаких различий. Несовпадения при сопоставлении неформального значения разных субъектов внутри Федерации обусловлены их географическими координатами, спецификой исторического развития, политико-экономической и оборонно-стратегической ролью в масштабах страны. Одна из задач российской политической регионалистики как раз и сводится к выявлению, анализу и объяснению политико-географических особенностей того или иного субъекта Федерации. Эта задача носит практический, прикладной характер и имеет весьма актуальное звучание для управленцев как регионального, так и федерального уровня. В связи с этим стоит отметить, что в политической регионалистике одним из основных исследовательских методов является сравнительно-геогра-

фический метод, реализуемый в форме сопоставительного анализа географических, ресурсных, политико-ситуационных данных в разных регионах страны.

Будучи генетически связанной с «канонической» политологией, политическая регионалистика широко использует традиционные политологические методы, применяя их к реалиям конкретных регионов. Первые шаги тех, кто приступает к изучению политической регионалистики, связаны с необходимостью очертить предметный контур этой дисциплины и тем самым определить её отличия от схожих по контентному наполнению научных направлений.

Одним из таких направлений является региональная политология. В поверхностном восприятии соотношение между нею и политической регионалистикой воспринимается либо как синонимично-паритетное, либо как отражающее связь между целым и его составной частью. Однако взаимодействие двух названных дисциплин не сводится к упрощённой схеме.

Есть ряд факторов, сближающих политическую регионалистику с региональной политологией. В них присутствует похожая терминология, в чём-то совпадают их целевые установки. Исходные сведения, используемые в обеих дисциплинах, находятся в общем информационном поле. Представления, присущие одной из названных дисциплин, накладываются на представления, свойственные другой. Региональная политология сосредотачивает внимание на региональных политических процессах, интерес к которым не чужд и политической регионалистике. К тематике, вписывающейся в исследовательское поле обеих дисциплин, относятся местные электоральные процессы, генезис региональных элит, связь региональных политических проектов с этнокультурным и социальным составом населения, выстраивание регионального политического ландшафта.

При этом в политической регионалистике и региональной политологии есть специфические черты, определяющие границы между этими двумя дисциплинами. Под региональной политологией понимаются региональные исследования, переносящие общие политологические принцип и методы на уровень отдельных регионов. В отличие от политической регионалистики, региональная политология не связывает себя с пространственно-географическими координатами. Изучая местные политические процессы, она не выходит за их грань. В противовес этому, политическая регионалистика, уделяя определён-

ное внимание региональным политическим процессам, не ставит целью отдавать им основной приоритет: она следует установке, согласно которой изучать нужно не столько отдельные части и элементы региональной политической сферы, сколько систему взаимосвязей и взаимоотношений между ними.

Исследовательские интересы политической регионалистики достаточно обширны. К ним относят взаимоотношения по оси «федеральный центр – регионы», политическое районирование, региональные политические культуры и тому подобную проблематику, способствующую составлению «политической карты государства» [9, с. 4]. В круг исследовательских интересов региональной политологии обозначенные темы напрямую не входят, поскольку масштаб её исследований ориентирован на создание не «политической карты государства», а «политической карты региона». По справедливому замечанию специалистов, региональная политика «как бы зажата между внутренними подсистемами (муниципалитеты) и внешними для нее надсистемами (федеральная политика России, международные отношения)» [3, с. 151].

Следует указать, что политическую регионалистику иногда воспринимают как российскую кальку имеющей хождение на Западе «региональной науки» («regional science») или распространённых там же «областных штудий» («area studies»). Такое восприятие не соответствует действительности, ибо политико-региональные исследования на Западе лишены той сфокусированной акцентировки, какой обладают в России. «Regional science» сосредотачивается на вопросах территориальной экономики, управления локальными социально-экономическими процессами и дальше этого не идёт. «Area studies» представляют собой не подчинённый чёткой структуре, аморфный комплекс прикладных междисциплинарных разработок, соединяющих политологические, культурологические, географические, исторические и этнографические сведения; при этом политологические смыслы зачастую оказываются на заднем плане.

Иногда «area studies» трактуются как «геополитическое регионоведение», но и в такой трактовке они отнюдь не равнозначны политической регионалистике в её российской версии. Геополитическое (иным словом, международное) регионоведение изучает регионы, понимаемые не как части конкретных государств, а как «отдельные государства или группу стран, близких по своим характерным признакам» [1, с. 309]. В зону интересов геополитического регионоведения попадают также над-

государственные структуры, межгосударственные сообщества, блоки или группировки стран, ищущих объединения по признакам географической близости, общности экономических, культурных или военных ориентаций. На Западе в разряд «региональных» чаще всего попадают исследования, посвящённые большим культурно-историческим общностям, специфическим цивилизациям. В одних случаях речь идёт о Китае, Индии, России, Японии, в других говорится о Балканах, Азиатско-Тихоокеанском регионе, Ближнем Востоке, Северной Европе, Латинской Америке и т.п. В России подобные исследования характеризуются как «страноведческие».

По словам профессора А.В. Баранова, в отсутствие на Западе прямого аналога российской политической регионалистики высвечивается «парадокс», объясняемый тем, что «общественный запрос на осмысление политико-региональных явлений не вызвал в странах Запада институализации научной дисциплины в данной сфере знаний» [1, с. 309]. Названный парадокс контрастирует с нарастающим на Западе спросом на комплексные политико-региональные исследования. В особой мере это касается США, Канады, Великобритании, Германии, Франции, Испании, где различия между политическими регионами видны «невооружённым глазом». Наличие этих различий без особого труда обнаруживается при сопоставлении отдельных американских штатов, земель Западной и Восточной Германии, англо- и франкоязычных провинций Канады, автономных сообществ Испании.

Тем не менее, в западной политологической таксономии термин «регион» до сих пор остаётся «отлущённым» от локально-областной градации. Его предпочитают связывать с национально-государственными, трансграничными или наднациональными величинами. В такой интерпретации понятие «регион» принимает на себя отпечаток умозрительности, «виртуальности». По словам российских специалистов, трактуемый подобным образом регион «теряет свою реальную территориальность, превращаясь в конструктор сознания» [7, с. 170].

До II Мировой войны системные исследования зарубежных стран в американских университетах практически отсутствовали, появившись там лишь в 1950-е годы. Их появление диктовалось началом холодной войны и обеспокоенностью американских элит растущим влиянием Советского Союза и Китая на страны Азии и Африки, освобождавшиеся от колониального угнетения со стороны Запада. Толчок к «решению проблемы дефицита геополитических знаний» был дан серией симпозиумов,

организованных Фондом Форда, Фондом Рокфеллера и Корпорацией Карнеги. На тех симпозиумах был достигнут консенсус, касавшийся инвестиций в развёртывание «междисциплинарных зональных штудий», накопление «культурно и исторически контекстуализированных знаний о различных частях мира» и разработку «всеобъемлющих макроисторических теорий, которые могли бы установить связи между закономерностями развития разных географических регионов». Фондом Форда была учреждена престижная программа стипендий для стимулирования подготовки специалистов в области «area studies». В рамках этой программы с 1953 по 1966 год тридцати четырёх университетам было предоставлено 270 миллионов долларов. Щедрое финансирование исследований в сфере «геополитического регионоведения» выделялось и государственными структурами США [10, p. 10-11].

Российская школа политико-региональных исследований складывалась в иных исторических условиях, нежели «regional science» и «area studies» на Западе. Предпринимаемые на начальном этапе становления политической регионалистики попытки претендовать на разработку тематики, касавшейся зарубежных стран, наткнулись на то, что она являлась органичной частью уже существовавших специальностей, связанных с международными отношениями. Сейчас эта тематика, по установившимся в российской системе гуманитарно-общественных наук нормам, изучается в рамках специальности «политические проблемы международных отношений».

Институционализация политической регионалистики в конце XX века диктовалась реальным состоянием российской политико-управленческой системы, оказавшейся перед необходимостью ответить на актуальные вопросы современности, связанные с развитием федерализма, совершенствованием административно-территориального устройства страны, налаживанием электоральных процессов в различных регионах и т.п.

«Точки роста» политической регионалистики формировались в 1990-х годах в МГУ, Институте географии РАН, Институте гуманитарно-политических исследований. Интерес к новой научной отрасли проявляли и немосковские вузы, среди которых особо выделились Нижегородский, Мордовский и Ростовский госуниверситеты. Первоначально изучение политической регионалистики в разных центрах разворачивалось обособленно; положения, тезисы, идеи, содержащиеся в выпускаемых там методических и учебных пособиях, выглядели разрозненными, не интегрированными между собой. Одни авторы главный акцент

делали на проблемах федерализма и региональной политики, другие – на электоральных процессах в регионах, третьи – на международных аспектах регионализма.

Процесс интеграции научных школ, занимавшихся политической регионалистикой, был запущен благодаря Российской ассоциации политической науки, которая, начиная с 1997 года, инициировала проведение всероссийских конгрессов по этой специальности. К усилиям РАПН добавлялись организуемые в университетах научные симпозиумы, конференции, заседания диссертационных советов. Шаг за шагом накапливался опыт взаимодействия между исследовательскими коллективами и отдельными авторами.

К середине 2000-х годов прояснились представления о предметных границах, объекте, целях политической регионалистики. Спустя ещё некоторое время ведущие специалисты отрасли пришли к консенсусу по поводу её структуры и практического наполнения. С 2010 по 2022 годы из среды учёных, занимающихся политической регионалистикой, выделились такие авторитетные эксперты как А.В. Баранов, А.В. Дахин, Н.П. Медведев, Р.Ф. Туровский и некоторые другие. Была выработана принятая большинством учёных трактовка политической регионалистики и её тематической структуры; удалось сформулировать правило, в соответствии с которым «политическая регионалистика изучает объекты субнационального (внутригосударственного) уровня, обладающие внутренней территориальной дифференциацией» [1, с. 310]. Р.Ф. Туровский обосновал перечень объектов регионального (субнационального) уровня, поместив туда политические институты (органы государственной власти, партии, группы интересов), политические системы, элиты и лидерские группы, политические процессы, политические культуры, политическое поведение как претендентов на власть, так и электората, региональные и местные коммуникации [8, с. 19-21].

Предметное поле политической регионалистики было обозначено как «пространственное измерение политических явлений», сочетающее в себе, во-первых, вертикальную систему координат в виде взаимоотношений между центром и регионами, а во-вторых, горизонтальные координаты в виде политических процессов в регионах [8, с. 21]. Такой подход позволяет поддерживать высокую степень актуальности политико-региональных исследований в России, способствуя практическому достижению оптимального баланса интересов государства и регионов, повышению эффективности федеративного устройства страны, обеспечения её суверенитета и целостности.

Развитие политической регионалистики не стоит на месте, предлагая новые идеи, реализация которых способна усилить эффективность региональной политики. В последнее время само понятие «региональная политика» впитало в себя новые смысловые нюансы. Если в 1990 – 2000-е годы это понятие нередко трактовалось с менеджеральных, узкоэкономических позиций, то теперь оно идентифицируется как комплексная стратегия территориального развития, в разработке которой участвуют не только общегосударственные, но и региональные органы власти [2, с. 71]. Другой показательной тенденцией стала выработка аргументов в пользу «деэтнизации федерализма в русле укрепления государственно-общественного единства в России» [5, с. 19].

Ещё один новый тренд проявился в стремлении исследователей уделять внимание региональной стратификации, т.е. объективно обусловленному несходству между разнотипными по уровню развития регионами и дифференциации, асимметрии их отношений с центральной властью [4, с. 11]. Растёт объём исследований, касающихся социокультурных различий между разными регионами, региональными политическими культурами, идентичностями, историческими коммуникациями, особенностями информационной политики. Анализируются региональные отличия электоральных ориентаций и их влияние на политическое поведение местных элит. Отмечаются попытки развивать в рамках политической регионалистики такое субнаправление как региональная конфликтология.

Методологические, теоретические, практические аспекты политической регионалистики продолжают активно совершенствоваться, и это позволяет оценивать перспективы развития этой отрасли политологических знаний как достаточно прочные.

Список литературы:

1. Баранов А.В. Тенденции развития российской политической регионалистики // Политическая экспертиза. 2019. Т. 15. № 2. С. 308-316.
2. Гончаров Д.В. Структура территориальной политики в России // Политические исследования. 2012. № 3. С. 63-74.
3. Дахин А.В., Авдонин В.С. Отечественная политическая регионалистика и регионоведение: транзит представлений о региональном политическом процессе в свете вопросов международных связей региона и муниципальной политики // Власть. 2021. № 6. С. 151-164.
4. Дахин А.В. Региональная стратификация общества: глобальное и локальное в культуре, экономике, политике // Власть. 2015. № 10. С. 5-15.
5. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник Российской нации. 2018. № 1-1. С. 13-30.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июня 2020 года). URL: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (дата обращения: 12.03.2022).
7. Пушкарёва Г.В. Политическое пространство: проблемы теоретической концептуализации // Политические исследования. 2012. № 2. С. 166-176.
8. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика: учебное пособие. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. 780 с.
9. Штанько М.А. Политическая регионалистика. Томск: ТПУ, 2006. 137 с.

10. Szanton D.L. The Politics of Knowledge: Area Studies and the Disciplines. Los Angeles: University of California Press, 2004. 425 p.
11. Байханов И.Б. Трансформация профессиональных компетенций специалистов государственного управления в условиях цифровых трендов // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 320-327.
12. Пономаренко А.П. Устойчивое развитие как отличительная черта внешней политики Австрии на современном этапе // Альманах Казачество. 2021. № 47. С. 9-14.
13. Борисов А.Н. Влияние целей устойчивого развития тысячелетия ООН на развитие регионов России Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 64-80.
14. Ананченкова П.И. Образовательный туризм и перспективы его развития // Альманах Казачество. 2020. № 47. С. 20-28.
15. Бессонов Е.Г. Задачи информационного обеспечения процессов управления социокультурными трансформациями российского общества // Межконфессиональная миссия. 2020. Том 9. Часть 4. № 45. С. 475-480.
16. Рябова Е.И. Глобальное информационное цунами: инструкция по выживанию // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 4. № 22. С. 596-605.

Bibliography

1. Baranov A.V. Trends in the development of Russian political regional studies // Political expertise. 2019. Vol. 15. № 2. P. 308-316.
2. Goncharov D.V. The structure of territorial policy in Russia // Political research. 2012. № 3. P. 63-74.
3. Dakhin A.V., Avdonin V.S. Domestic political regional studies and regional studies: transit of ideas about the regional political process in the light of issues of international relations of the region and municipal policy // Power. 2021. № 6. P. 151-164.
4. Dahin A.V. Regional stratification of society: global and local in culture, economics, politics // Power. 2015. № 10. P. 5-15.
5. Zorin V.Yu. Strategy of the state national policy of the Russian Federation: intermediate results and new guidelines // Bulletin of the Russian nation. 2018. № 1-1. P. 13-30.
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the national vote on June 1, 2020). URL: <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> (03.12.2022).
7. Pushkareva G.V. Political Space: Problems of Theoretical Conceptualization // Political Studies. 2012. № 2. P. 166-176.
8. Turovsky R.F. Political regionalism: a study guide. M.: Ed. House of the State University Higher School of Economics, 2006. 780 p.
9. Shtanko M.A. political regionalism. Tomsk: TPU, 2006. 137 p.
10. Szanton D.L. The Politics of Knowledge: Area Studies and the Disciplines. Los Angeles: University of California Press, 2004. 425 p.
11. Baykhanov I.B. Transformation of professional competencies of public administration specialists in the context of digital trends // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 320-327.
12. Ponomarenko A.P. Sustainable development as a hallmark of Austrian foreign policy at the present stage // Almanac Cossacks. 2021. № 47. P. 9-14.
13. Borisov A.N. Impact of the UN millennium development goals on the development of Russian regions // Etnosotsium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 64-80.
14. Ananchenkova P.I. Training tourism and its development prospects // Almanac Cossacks. 2020. № 47. P. 20-28.
15. Bessonov E.G. Tasks of information support for the management processes of sociocultural transformations of Russian society // Mission confessions. 2020. Volume 9. Issue 4. № 45. P. 424-480.
16. Ryabova E.I. Global Information Tsunami: Instructions for Survival // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 4. № 22. P. 596-605.

Трофимов В.А.

Региональный представитель-эксперт,
Международный издательский центр «Этносоциум».

Политико-географические реалии Сахалинской области

В январе 2022 года Сахалинская областная Дума утвердила новый порядок выборов, уменьшив число депутатов, избираемых в законодательный орган по партийным спискам, и увеличив количество избранных, прошедших по одномандатным округам. Прежде из 28 депутатов областной Думы половина избиралась по спискам, половина – по мажоритарному принципу. В сентябре 2022 года Сахалинская Дума будет сформирована по-новому: количество депутатов, избираемых по партийным спискам, уменьшится с 14 до 7 человек, а по одномандатным округам увеличится с 14 до 21 [1]. Новая система выборов и усложнит предвыборную работу кандидатов, и в то же время повысит их ответственность перед избирателями.

Основной смысл законодательных новаций заключается в том, что претендовать на депутатские места сможет значительно большее число граждан, нежели прежде; шансы независимых кандидатов на прохождение в Думу станут выше, так как будут зависеть, прежде всего, от их узнаваемости в конкретных округах. По логике депутатов, инициировавших изменения в системе выборов, новый закон создаст условия для дальнейшего «развития демократии и более полного обеспечения конституционных прав граждан» [1].

Как и следовало ожидать, перенесение акцентов на работу в мажоритарных округах стимулировало активизацию претендентов на места в областной Думе. На сахалинской политической сцене, помимо уже известных политиков, появилось немало не скрывающих карьерные амбиции дебютантов. Проблема в том, что некоторой части нынешнего политического актива не хватает полемической, соревновательной культуры. Есть те, кто в своём стремлении пробиться в законодатели делает ставку на технологии «чёрного пиара», не пытаясь вызвать интерес у электората с помощью разработки общественно полезных инициатив и проектов.

По наблюдениям экспертов, на Сахалине, начиная с ноября 2021 года, отмечается нарастание негативистских материалов в СМИ и пабликов в интернете. Опытные аналитики связывают это со всплеском меж- и внутриэлитной борьбы. Дело в том, что действующий состав Сахалинской областной Думы был сформирован при прежнем губернаторе, когда расстановка политических сил была иной. Сейчас областью руководит новый губернатор, имеющий собственный взгляд на кадровую тематику. Это значит, что «некоторые игроки рискуют остаться за бортом политической жизни, и чтобы этого не допустить, готовы прибегнуть не к самым чистоплотным методам» [10]. Как показывает практика, попытки влить в информационное пространство диффамационные материалы и раскрутить фрондёрские настроения могут связываться не с межпартийной полемикой, а с «заинтересованностью региональных элит и теневых кланов в политической нестабильности» [19].

Очевидно, что любые проявления общественной нестабильности на Сахалине сразу же попадают в поле зрения федеральных властей. Российское руководство не считает Сахалинскую область ординарным регионом: будучи восточным форпостом России, она имеет важнейшее стратегическое значение, влияя на всю систему безопасности страны, на стабильность её международных позиций. Учитывая значимость Сахалинской области, федеральный центр уделяет повышенное внимание ответственному за её развитие управленческим кадрам.

Особый политический вес кадрового вопроса применительно к Сахалину высвечивается в контексте новейшей истории региона. В 1995-2003 годах губернатором Сахалинской области был И.П. Фархутдинов, пользовавшийся авторитетом у населения региона. После его гибели в авиакатастрофе губернатором области стал И.П. Малахов, деятельность которого вызвала критические замечания. В августе 2007 года он был досрочно освобождён от должности в связи с утратой доверия. В вину Малахову ставилась нерасторопность в оказании помощи населению пострадавшего от землетрясения Невельска. Критику Малахова усугубляли разговоры об его участии в нецелевом расходовании бюджетных денег и о «криминализации его заместителей». «Российская газета» писала: «Четыре вице-губернатора при нём были обвинены в различных преступлениях, в том числе в мошенничестве в особо крупных размерах, присвоении государственных средств, а один из его заместителей оказался замешанным в заказном убийстве» [7, с. 1].

В августе 2007 года губернатором Сахалинской области стал А.В. Хорошавин. В июле 2011 года он был наделён губернаторскими полномо-

чиями на повторный срок. Однако удержаться в кресле главы региона до конца этого срока ему не удалось. 4 марта 2015 года Хорошавин был задержан правоохранительными органами и доставлен в Москву, где Басманный суд предъявил ему обвинение в коррупции. Следствие по его делу длилось около трёх лет. Было раскрыто десять эпизодов получения взяток в особо крупных размерах. СМИ, освещавшие результаты следствия и ход судебного разбирательства, писали о многомиллионном состоянии Хорошавина, о собранных им «несметных сокровищах», о «кричащей роскоши» принадлежавших ему квартир и домовладений [3]. 9 февраля 2018 года Южно-Сахалинский городской суд приговорил бывшего губернатора к 13 годам лишения свободы в колонии строгого режима. По иску Генпрокуратуры в доход государства у Хорошавина было изъято имущество на сумму свыше миллиарда рублей.

Криминальная деятельность Хорошавина и его «команды» подрывала престиж региональной власти, бросая тень и на федеральный центр. В годы губернаторства Хорошавина щедрые вливания из федерального бюджета в строительные и инфраструктурные проекты Сахалина не приносили полноценной отдачи. Полпред президента РФ в Дальневосточном федеральном округе Ю.П. Трутнев обвинял Хорошавина в сокрытии подлинных размеров регионального дохода: «Теперь бюджетная обеспеченность жителей области самая высокая по стране. Жители области должны жить как в Арабских Эмиратах. Но приезжая сюда, я этого не вижу» [3].

Сюжеты, связанные с «карьерой» Малахова и Хорошавина, заставили Москву существенно усилить внимание к руководящим кадрам Сахалина. Губернатором Сахалинской области был назначен О.Н. Кожемяко, пользующийся доверием федерального центра. Он руководил областью до 26 сентября 2018 года, когда указом Президента Российской Федерации был поставлен на должность губернатора Приморского края, где по итогам признанных недействительными выборов главы региона возникла внештатная ситуация. Два месяца обязанности губернатора Сахалинской области исполняла председатель регионального правительства В.Г. Щербина, а 7 декабря 2018 года они перешли к В.И. Лимаренко. Набрав на досрочных выборах в сентябре 2019 года 56,15% голосов, он возглавляет Сахалинскую область и поныне.

В свете громкого коррупционного эксцесса, связанного с именем одного из сахалинских губернаторов и вызвавшего широкий резонанс во всей России, вопросы борьбы с коррупцией на Сахалине приобрели очевидную политическую окраску. В.И. Лимаренко поставлен перед необхо-

димостью всегда помнить о моральных принципах и относиться к теме коррупции с особой ответственностью. Об осознании новым губернатором такой ответственности свидетельствует его поддержка инициатив местного актива, призвавшего к введению действенного общественного контроля над состоянием деловой и внутрикорпоративной этики внутри сахалинских управленческих и производственных элит.

В 2018-2021 годах при участии администрации губернатора регулярно издавались отчёты правительства Сахалинской области по противодействию коррупции, а также отчёты по результатам проведения социологических исследований для оценки уровня коррупции в регионе. Размещаемые на сайте губернатора Сахалинской области, эти отчёты становятся доступными для всех желающих с ними ознакомиться. Кроме того, в Сахалинской областной Думе безусловным правилом стало проведение антикоррупционной экспертизы всех подготавливаемых к голосованию законопроектов [5].

Успешное выполнение профессиональных функций требует от сахалинского губернатора, помимо морально-психологической устойчивости, широкого кругозора и обладания весомыми знаниями, позволяющими ему свободно ориентироваться в политической и социально-экономической географии, в истории Сахалина – края, во многом уникального и неповторимого.

Уникальный политико-географический статус Сахалинской области выражен тем, что она представляет собой единственный субъект Российской Федерации, полностью расположенный на островах, общее количество которых достигает 87. К ним относятся Сахалин, острова, расположенные рядом с ним, а также острова Курильской гряды. Понятно, что особо выделяется Сахалин, являющийся крупнейшим в России населённым людьми островом.

Особую геостратегическую значимость Сахалинской области придают Курильские острова. Они отделяют Охотское море от Тихого океана и образуют две параллельные гряды – Большую Курильскую и Малую Курильскую, общая протяжённость которых составляет около 1200 километров. Курилы включают в себя 56 островов, но постоянное население имеется лишь на Парамушире, Итурупе, Кунашире и Шикотане. В период с 1946 по 1991 годы благодаря присутствию советских воинских гарнизонов регулярная жизнедеятельность людей распространялась на Шумшу, Онекотан, Симушир и некоторые другие острова. После вывода большей части гарнизонов с архипелага его население заметно уменьшилось.

Политико-географическая специфика Сахалинской области в значи-

тельной мере обусловлена пережитыми этим регионом историческими перипетиями. В середине XVII века на Сахалин вошли первые экспедиции русских казаков, а несколько позднее здесь появились первые группы японцев. В 1711 году отряд камчатских казаков под водительством Данилы Анциферова и Ивана Козыревского высадился на северных островах Курильской гряды Шумшу и Парамушире. Началась русская колонизация Курильских островов; местные айны были объявлены российскими подданными.

С конца XVIII века Курилы упоминаются в законодательных актах Российской империи [4]. Однако к тому моменту о своих претензиях на острова уже заявляло японское правительство. Начавшееся соперничество за обладание архипелагом шло с переменным успехом. Русские доминировали на северных островах, японцы – на южных. Такое положение дел закрепилось в Симодском трактате 1855 года. Но этот трактат оставил неурегулированным вопрос о принадлежности Сахалина: остров признавался «совместным нераздельным владением» [4]. Невразумительность такого статуса приносила неудобства обеим сторонам, и в 1875 году в Санкт-Петербурге был подписан новый договор, по которому весь Сахалин переходил в состав России, а японцам передавался контроль над ранее принадлежавшими России Северными и Средними Курилами, а также южно-курильским островом Уруп.

Освоение Сахалина затруднялось его отдалённостью от центральных областей России. Чтобы увеличить его населённость, Александр II приказал сделать остров местом каторги и ссылки. В 1875 году был принят закон, положивший начало сахалинской каторге; в следующем году на острове была построена первая каторжная тюрьма. Складывались специфические обстоятельства, оказавшие воздействие на формирование ментального уклада сахалинцев.

Война России против Японии в 1904-1905 годах была неудачной. По условиям Портсмутского мирного договора к Японии отошёл Южный Сахалин, ставший губернаторством Карафуто. Русские вынуждены были покинуть эту территорию. К 1915 году здесь практически не осталось и айнов, подвергшихся жестокому преследованию со стороны японцев.

В апреле 1920 года японцы оккупировали Северный Сахалин. Здесь были введены японские законы, всё управление перешло в руки японской администрации, русские названия городов, посёлков, улиц отменялись. Оставшееся здесь русское население оказывало сопротивление произволу со стороны пришельцев. Развернулось массовое партизанское движение, в итоге японцы вынуждены были признать неосуществимость

своих замыслов по покорению Северного Сахалина. Его оккупация завершилась в мае 1925 года.

Возврат Южного Сахалина и Курильских островов в состав нашей страны произошёл только в августе 1945 года после разгрома советскими войсками японской армии. По условиям Сан-Францисского мирного договора, подписанного в 1951 году, Япония отказалась от «всех прав, правооснований и претензий» на Сахалин и Курилы [2]. Однако позднее официальный Токио заговорил о намерении вернуть в состав Японии острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и островную группу Хабомаи. В настоящее время японские верхи продолжают оспаривать принадлежность этих островов, не прекращая риторику о так называемых «северных территориях». Со стороны японского МИДа наблюдались неоднократные попытки оказывать политико-дипломатическое давление на Россию. Японская сторона постоянно указывала, что считает неприемлемыми любые поездки российских официальных лиц на Южные Курилы.

В.В. Путин был вынужден напомнить японским политикам: «Острова находятся под российским суверенитетом по результатам II Мировой войны» [9]. Российское правительство не может закрывать глаза на геополитическую ситуацию, сложившуюся на дальневосточных рубежах: вопросы безопасности страны остаются неизменным приоритетом государственной политики.

В феврале 2011 года был принят план по усилению обороны Курильского архипелага, призванный усилить контроль над проливами между островами, прикрыть маршруты развертывания Тихоокеанского флота, повысить боевую мощь морских ядерных сил, обеспечить безопасность гражданского судоходства. Подготовка к реализации этого плана завершилась в ноябре 2016 года, когда на островах Итуруп и Кунашир были размещены подвижные комплексы «Бастион» и «Бал» – оборонительное оружие, с равной эффективностью применимое для защиты и от десанта противника, и от авианосцев, несущих угрозу применения палубной авиации. Оснащённые унифицированными сверхзвуковыми самонаводящимися крылатыми ракетами «Яхонт» и «Оникс», комплексы способны поражать любые надводные и наземные цели в условиях интенсивного огневого и радиоэлектронного противодействия, днем и ночью, в любых метеоусловиях, с гарантированным попаданием в цель после пуска [9].

Новейшие ракетные комплексы стали дополнительным аргументом в пользу сохранения дальневосточной границы в том виде, какой она приобрела по итогам II Мировой войны. К настоящему времени размещение комплексов не ограничивается Итурупом и Кунаширом. Курилы превра-

тились в неприступную военно-морскую крепость, полностью перекрывающую вход потенциального противника в Охотское море.

21 марта 2022 года МИД России заявил об отказе от контактов, касающихся мирного договора с Японией, о сворачивании диалога о налаживании совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах и о прекращении безвизового допуска японских граждан на острова. Эти меры явились ответом на односторонние действия японских властей, решивших ввести против России дискриминационные ограничения [6].

Помимо геополитических факторов, меры по защите Сахалинской области обусловлены и её экономическим значением. Она обладает огромными природными ресурсами, отличающимися неповторимым разнообразием. Среди российских регионов Сахалин выделяется, в первую очередь, величиной биологических резервов. В морских и океанических водах вокруг Сахалина и Курил круглый год ведётся промысел многих видов рыбы, кальмаров, креветок, крабов, морских гребешков и т.д. Сахалин богат древесиной. На его шельфе велики запасы углеводородов. По объёму разведанных запасов газового конденсата Сахалинская область занимает 4-е место в России, природного газа – 7-е место, угля – 12-е, нефти – 13-е. На Сахалине ведётся промышленная добыча золота, ртути, платины, хрома, германия, талька, цеолитов. На Курильских островах имеются немалые запасы нефти, газа, золота, серебряных, титановых, железных руд. На острове Итуруп находится самое богатое в мире месторождение рения.

Надо сказать, что до настоящего момента многие месторождения остаются законсервированными, разработка полезных ископаемых там не проводится. Эта ситуация отражает ещё одну специфическую черту Сахалинской области. Она заключается в сочетании редкостного ресурсно-сырьевого потенциала с нелёгкими, порой экстремальными условиями его освоения. Эти условия осложняются такими факторами как островное положение региона, его отрезанность от материка, тяжёлый климат, низкий уровень инфраструктурного обустройства, недостаток рабочих рук. Все эти факторы сливаются в единый комплекс проблем, требующих от руководства области надлежащего осмысления, чёткого выстраивания приоритетов, принятия своевременных решений. Специфика деятельности сахалинских законодательных и исполнительных органов связана с тем, что все региональные процессы – социальные, экономические, культурные – должны всегда рассматриваться через призму масштабной политической стратегии.

Одним из самых актуальных и приоритетных вопросов является не-

хватка на Сахалине трудовых ресурсов. Она является следствием демографических проблем, пережитых регионом в конце XX – начале XXI века. На момент распада Советского Союза население Сахалинской области составляло 715 333 человека. Ликвидация государственных промышленных предприятий, распад налаженных экономических связей, невнятность бюджетно-финансового курса привели к резкому падению уровня жизни сахалинцев и деградации социальной сферы. Результатом стало сокращение численности населения почти на треть.

В настоящее время, по данным Росстата, численность населения Сахалинской области составляет 484 207 человек, из них 21 500 человек – жители Курил. Свыше 90 % населения области – русские, украинцы и белорусы. Заметная доля приходится на корейцев – 5,3 %. Народы, называемые «коренными», представлены нивхами (0,5 %) и немногочисленными ороками (0,06 %).

В последнее десятилетие наблюдалась тенденция притока мигрантов из Киргизии, Таджикистана, Азербайджана, Узбекистана, Украины и некоторых других стран. Среди этих мигрантов есть немало русских, проживавших в бывших советских республиках и пожелавших переехать на Сахалин в рамках принятой правительством региона программы «Оказание содействия добровольному переселению в Сахалинскую область соотечественников, проживающих за рубежом». Пополнению трудовых кадров призвана способствовать также ведомственная целевая программа «Повышение мобильности трудовых ресурсов», в которой предусмотрены меры по привлечению специалистов из материковых регионов России [8].

Мотивация людей к переезду на Сахалин не в последнюю очередь связана с предоставлением им социальных льгот. Без них привлечь переселенцев было бы затруднительно, поскольку жизнь в островном регионе окрашена немалыми трудностями, связанными с отрезанностью от «большой земли» и неблагоприятным климатом. Основным климатообразующим фактором для Сахалина и Курил являются окружающие их моря. Они определяют обилие осадков, в том числе и мощные снегопады зимой, муссонный характер ветров, крайне высокую влажность воздуха. Адаптироваться к таким климатическим условиям может далеко не каждый, поэтому не совсем правильно полагаться только на миграцию. В исправлении демографических перекосов следует опираться на тех сахалинцев, предки которых издавна связали свои судьбы с далёкими островами. С точки зрения долговременной стратегии укоренённое население в льготах нуждается не меньше, чем новоприбывшие.

Анализируя мероприятия, проводимые нынешним руководством Сахалинской области в социальной сфере, можно прийти к выводу о том, что оно вполне осознаёт эту данность.

Список литературы:

1. В Сахалинской области изменена система выборов. // URL: <https://www.dumasakhalin.ru/node/21308> (Дата обращения: 10.03.2022).
2. Кошкин А. Претензии Японии на Курилы не имеют правовых оснований. // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3542409.html> (Дата обращения: 18.03.2022).
3. Петров И., Кориненко Е. Островной инстинкт. За что брал взятки бывший сахалинский губернатор. URL: <https://iz.ru/705136/ivan-petrov-ekaterina-korinenko/ostrovnoi-instinkt> (Дата обращения: 14.03.2022).
4. Потапова Н.В. Курильские острова в составе Российской империи (1711 – 1875 гг.). // URL: <https://www.kuriles-history.ru/book/app/> (дата обращения: 14.03.2022).
5. Противодействие коррупции в Сахалинской области: Официальный сайт Губернатора Сахалинской области. // URL: <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=121> (Дата обращения: 17.03.2022).
6. Россия отказалась от переговоров по мирному договору с Японией. // URL: https://lenta.ru/news/2022/03/21/japan_russia (Дата обращения: 22.03.2022).
7. Тараканов С. Сахалин меняет губернатора // Российская газета. Федеральный выпуск. 2007, 8 августа. № 4434. С. 1.
8. Трудовые ресурсы Сахалинской области: Официальный сайт Губернатора Сахалинской области. // URL: <https://sakhalin.gov.ru/?id=346> (Дата обращения: 17.03.2022).
9. Хроленко А. Без претензий: зачем Россия разместила на Курилах ракетные комплексы. // URL: <https://ria.ru/20161124/1482106064.html> (Дата обращения: 15.03.2022).
10. Эксперт: новый электоральный цикл на Сахалине начался с активизации элит. // URL: <https://vostokmedia.com/article/general/19-11-2021/ekspert-novyy-elektoralnyy-tsikl-na-sahaline-nachalsya-s-aktivizatsii-elit> (Дата обращения: 20.03.2022).
11. Бормотова Т.М., Мазаев Ю.Н. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях Интернет // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 309-319.
12. Терновая Л.О. Трансляция идеи сакральности власти государства на межгосударственные отношения // Межконфессиональная миссия. 2021. Том 10. Часть 3. № 52. С. 345-352.
13. Рахимов К.Х. История создания основных этапов становления и развития ШОС // Альманах Казачество. 2021. № 51. С. 52-70.
14. Бiryukov Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 4 (154). С. 54-63.
15. Вознесенский И.С. Ускользающее восприятие духа времени: от мифа к реальности // Власть истории – История власти. 2020. Том 6. Часть 5. № 23. С. 763-773.

Bibliography

1. The election system has been changed in the Sakhalin Region. // URL: <https://www.dumasakhalin.ru/node/21308> (03.10.2022).
2. Koshkin A. Japan's claims to the Kuriles have no legal basis. // URL: <https://regnum.ru/news/polit/3542409.html> (03.18.2022).
3. Petrov I., Korinenko E. Island instinct. Why did the former Sakhalin governor take bribes. URL: <https://iz.ru/705136/ivan-petrov-ekaterina-korinenko/ostrovnoi-instinkt> (03.14.2022).
4. Potapova N.V. Kuril Islands within the Russian Empire (1711 - 1875). // URL: <https://www.kuriles-history.ru/book/app/> (03.14.2022).
5. Anti-corruption in the Sakhalin Region: Official website of the Governor of the Sakhalin Region. // URL: <https://sakhalin.gov.ru/index.php?id=121> (03.17.2022).
6. Russia refused to negotiate a peace treaty with Japan. // URL: https://lenta.ru/news/2022/03/21/japan_russia (03.22.2022).
7. Tarakanov S. Sakhalin is changing the governor // Rossiyskaya Gazeta. Federal release. 2007, 8 August. № 4434. P. 1.
8. Labor resources of the Sakhalin region: Official site of the Governor of the Sakhalin region. // URL: <https://sakhalin.gov.ru/?id=346> (03.17.2022).
9. Khrolenko A. Without pretensions: why Russia deployed missile systems in the Kuriles. // URL: <https://ria.ru/20161124/1482106064.html> (03.15.2022).
10. Expert: the new electoral cycle in Sakhalin began with the activation of the elites. // URL: <https://vostokmedia.com/article/general/19-11-2021/ekspert-novyy-elektoralnyy-tsikl-na-sahaline-nachalsya-s-aktivizatsii-elit> (03.20.2022).
11. Bormotova T.M., Mazaev Y.N. Communication of elderly people in social networks of the Internet // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 309-319.
12. Ternovaya L.O. Translation of the idea of the sacred power of the state into interstate relations // Mission confessions. 2021. Volume 10. Issue 3. № 52. P. 345-352.
13. Rakhimov K.Kh. The history of the creation of the main stages of the formation and development of the SCO // Almanac Cossacks. 2021. № 51. P. 52-70.
14. Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. The influence of scientific and technical progress on the evolution of Japanese society // Ethnosotium and international culture. 2021. № 4 (154). P. 54-63.
15. Voznesenskiy I.S. Elusive perception of the spirit of the times: from myth to reality // The Power Of History – The History Of Power. 2020. Volume 6. Issue 5. № 23. P. 763-773.

М

ЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*

Цицикарский университет, Китай

Гао Чуньюй

*Профессор института иностранных языков,
Цицикарский университет (Китай),
аспирант Пермского государственного
национального исследовательского университета.*

Гао Янь

*Магистр института иностранных языков,
Цицикарский университет (Китай).*

Формирование концепции марксизма в Китае

Публикация статьи осуществлена при финансовой поддержке Научного фонда отдела образования провинции Хэйлуцзян, проект №:145109150; при финансовой поддержке важного фонда экономического и общественного развития провинции Хэйлуцзян, проект № WY2021060-С; при финансовой поддержке отделения магистров Цицикарского университета, проект №: JGXM_QUG2021019.

Революционное движение в странах Востока было неотъемлемой частью мировой революционной системы Коминтерна. В целях содействия революционному движению в восточных государствах Коминтерн сформулировал и реализовал особую Восточную стратегию, в основу которой ставилась задача создания коммунистических партий и руководство революционным движением в восточных странах и, в конечном итоге, достижение диктатуры пролетариата и установление советского строя [10, с. 102]. Коминтерн активно распространял теорию создания партии «ленинского типа», пропагандируя модель РКП(б), и устанавливал вектор развития другим коммунистическим партиям. Коммунистическая партия Китая создавалась на основе Ленинской теории и модели РКП(б): она заимствовала, – точнее, копировала её опыт создания, что проявилось в названии партии, руководящих идеях, организационной структуре, в отношениях между центральными и местными партийными организациями, партийной дисциплине, принципах приема в партию [10, с. 104].

I. Распространение Советской Россией и Коминтерном идей марксизма.

Коммунистическая партия Китая возникла в 1921 г. В момент создания она представляла собой небольшую тайную организацию, насчитывавшую всего 50 членов, состоящих в 8 партийных ячейках. Китай в этот период был бедной и слабой страной, которая истекала кровью из-за междоусобных войн, ведущихся правителями-милитаристами; подвергавшейся агрессиям со стороны внешних врагов и ведущей мучительную борьбу с полуколониальным и полуфеодалным пошлым.

Возникновение в Китае Коммунистической партии стало эпохальным событием, повлиявшим на развитие всей мировой цивилизации [7, с. 1514]. Сегодня, 100 лет спустя, КПК стала мощной движущей силой общества: она более 75 лет находится долгое время у власти в огромной стране с населением 1,4 млрд. чел. и насчитывает более 91 млн. членов и 4,6 млн. партийных организаций.

На протяжении 100 лет КПК, спланировав и ведя за собой многонациональный народ, реализует три великих начинания, — новодемократическую революцию, социалистическую революцию и социалистическое строительство, политику реформ и открытости, инициировала и ведёт. Процесс строительства социализма с китайской спецификой коренным образом изменил не только судьбу китайского народа, но и вписал великую страницу в историю всего человечества [3, с. 49].

История всегда теснейшим образом связана с современностью. Этот вывод можно полной мере отнести к российско-китайским отношениям, которые имеют давние традиции. Сотрудничество двух государств было особенно плодотворным в 1920-е гг., когда китайский народ боролся за политическую и экономическую самостоятельность своего государства [2, с. 9]. Идея социалистической революции нашла горячий отклик и в других государствах Востока – причем не только в быстро возникающих коммунистических партиях азиатских государств, но и в широких кругах представителей радикально мыслящей интеллигенции, которая в опыте большевиков увидела пример для подражания, а в Советской России – союзника в борьбе с империалистическим гнетом [1, с. 65-88].

После Октябрьской революции основным источником распространения марксистских идей в Китае стала Советская Россия, которая уже в апреле 1920 г. направила в Китай своих представителей.

Октябрьская революция в России вызвала огромный интерес у представителей китайской интеллигенции. Китайская пресса публиковала

некоторые новости о происходивших в России событиях, однако их интерпретация обычно была поверхностной: в них использовалась сообщения, полученные из иностранных периодических изданий, что затрудняло объективный анализ фактов и глубокие теоретические исследования в этой сфере.

После того, как китайский исследователь-марксист Ли Дачжао опубликовал книги «Сопоставительный взгляд на французскую и русскую революции», «Триумф простого народа» и «Триумф большевизма», в печати стало появляться много статей, пропагандировавших опыта русской революции. Мощное антиимпериалистическое и патриотическое движение «4 мая» и изменения, происшедшие в китайских интеллектуальных кругах после начала этого процесса, привлекли внимание Советской России.

25 июля 1919 г. Советское правительство опубликовало декларацию, в которой заявило об односторонней отмене всех неравноправных договоров с Китаем, заключённых царской Россией. Её основное содержание было раскрыто в 6-ом номере газеты «Декларация», вышедшей 27 марта 1920 г., а 31 марта того же года её текст был полностью опубликован на русском языке в газете «Шанхайская жизнь». Таким образом, первая декларация Советского Российского правительства, адресованная Китаю, стала широко известна китайской интеллигенции и вызвала в их среде большой интерес.

Если первоначально роль Советской России в данной сфере была только идеологической, то начиная с апреля 1920 года, — времени, когда в Китай прибыл официальный представитель Коминтерна — Г.Н. Войтинский, — началось *практическое* распространение российского — «ленинского» — варианта марксизма — организованное, целенаправленно упорядоченное, которое стало быстро вытеснять преобладавший ранее «японский» вариант, постепенно становившейся второстепенным.

После приезда Г. Войтинского в Китай сообщения о событиях, происходивших в России, стали появляться в китайской прессе всё чаще и чаще, а пресс-релизы приходили уже в основном не из зарубежных — английских и японских — газет, а непосредственно из России, что было радикальным отходом от существовавшей ранее практики. Так, например, в период с июля по декабрь 1920 г. в газете «Ежедневник Республики» было опубликовано 65 пресс-релизов, — включая такие важные статьи, как «Новый строй в рабоче-крестьянской России», «Краткая биография Ленина и Троцкого», «Последние промышленные события в рабоче-кре-

стьянской России», «Краткая биография Ленина», «История большевизма» и др.

Коминтерн активно издавал в Китае газеты и книги, пропагандировавшие марксистские идеи и русскую революцию, а также поддерживал создание китайскими коммунистами прогрессивных журналов и объединений. Издательской базой для российских книг и газет стал город Владивосток, в котором было напечатано 50 брошюр, первоначально публиковавшихся в Москве, общий тираж которых составлял от 25 000 до 40 000 экземпляров. Там же были напечатаны портреты В. Ленина, Л. Троцкого и иных деятелей коммунистического движения, а также серия русских советских открыток революционной тематики. Коминтерн поддерживал эти публикации финансово и активно занимался распространением таких изданий, как «劳动界» (Мир труда), «新青年» (новая молодёжь), ежемесячник «Коммунистическая партия», а также еженедельников «Путеводитель» и «Рабочий еженедельник», которые начали печататься после основания КПК.

После создания III Интернационала, первый учредительный конгресс которого состоялся в Москве 2–6 марта 1919 г., международное коммунистическое движение перешло на новый этап, характеризовавшийся бурным развитием национальных и коммунистических движений, активизацией различных групп населения и общественных организаций. Рост национального самосознания в Китае, проявившийся в ходе патриотического движения «4 мая» и в процессе становления Национальной партии Китая (Гоминьдана), а также коммунистического движения, способствовал оживлению общественно-политической жизни страны и создал основу для плодотворного взаимодействия с международным коммунистическим и национально-революционным движениями. На повестку дня был поставлен вопрос о создании китайской пролетарской политической партии, которая будет руководствоваться теорией марксизма. В феврале 1920 г. Чэнь Дусю и Ли Дачжао — будущие руководители Компартии Китая — начали обсуждать вопрос о создании такой партии [4, с. 5].

Взросшая идейно-политическая активность китайских сторонников марксизма-ленинизма привлекла внимание Коминтерна. В апреле 1920 г. группа владивостокских коммунистов во главе с Г. Войтинским отправилась в Китай с целью изучения политической ситуации и установления связей с прогрессивными деятелями. Эта группа быстро нашла взаимопонимание с китайскими марксистами, и с её помощью стали быстро

создаваться марксистские кружки [5, с. 435].

До приезда в Китай группы Г. Войтинского никто из китайских марксистов, в том числе наиболее авторитетные из них – Ли Дачжао и Чэнь Дусю, – не переводили вопрос о создании пролетарской коммунистической партии в практическую плоскость: инициатива создания такой партии полностью исходила от Коминтерна. Группа Г. Войтинского способствовала формированию в мае 1920 г. первого в Китае коммунистического кружка, состоящего из пяти человек во главе с Чэнь Дусю и журнала «Синь циннянь», который с лета 1920 г. стал коммунистическим изданием, для которого Г. Войтинский написал ряд статей.

Как мы уже отмечали, после создания КПК Советская Россия стала основным источником распространения марксизма в Китае (заменяв в этом качестве Японию). В течение четырёх лет после того, как в апреле 1920 г. Г. Войтинский прибыл в Китай, он (по предварительным подсчётам) написал 22 пропагандистские статьи и две пропагандистские брошюры, из них 15 статей были опубликованы в таких советских изданиях, как «Правда» (5 статей), «Международные ведомости», «Коммунистический справочник», «Большевик» (2 статьи), «Новый Дальний Восток» и «Новый Восток» (5 статей). Семь пропагандистских статей Г. Войтинский опубликовал в китайской прессе, в еженедельной газете «向导» (Путеводитель) (5 статей), в журнале «劳动界» (мир труда) (1 статья) и «新青年» (новая молодёжь) (1 статья), «Новая молодёжь» (1 статья) под псевдонимами “吴廷康” (У Тинкан), “魏琴” (Вэй Цзинь) и “卫金” (Вэй Цинь), причем псевдоним «Вэй Цзинь» использовался чаще всего [12, с. 47].

После прибытия в Китай Г. Войтинский встретился в Пекине с Ли Дачжао, а затем, благодаря его рекомендации, – в Шанхае с Чэнь Дусю, а также с рядом других сторонников коммунистических идей. Эти контакты позволили Г. Войтинскому представить положение рабочего класса в Китае и ситуацию с распространением марксизма, понять идеи китайской прогрессивной интеллигенции, а также познакомить представителей революционного движения с Советской Россией и её политикой в отношении Китая, и ролью Коминтерна в международном коммунистическом движении.

Г. Войтинский передал китайским прогрессивным деятелям книги на английском и немецком языках, привезённые из Советской России, – такие, как «Коммунистический интернационал», «Международный бюллетень», в том числе работу американского журналиста Дж. Рида «Десять

дней, которые потрясли мир». Деятельность Г. Войтинского, направленная на пропаганду идей социализма, позволила китайским интеллигентам лучше понять политику, экономику, культуру и военные цели Октябрьской революции и Советской России, особенности нового социалистического общества, сформировать у них уверенность в помощи со стороны советской системы, поверить в мировую революцию.

Следует также отметить, что коммунистическая принципиальность и молодой энтузиазм представителя Коминтерна, а также его помощников, весьма импонировали китайским революционерам, вышедшим из патриотического движения «4 мая». В посланнике ИККИ китайские либералы и начинающие марксисты увидели представителя «политических деятелей нового типа, рожденных русской революцией», и Г. Войтинскому, по словам Чжан Готао, «удалось стать первым мостиком между русской революцией и революционным движением в Китае» [6, с. 251].

Воспользовавшись подходящей общественной ситуацией, Г. Войтинский призвал китайскую общественность изучить опыт Октябрьской революции и создать организацию, подобную Российской коммунистической партии (большевиков) – РКП(б), – которая могла бы осуществить / подготовить китайскую революцию.

В результате такой активной деятельности рядом с Г. Войтинским образовался круг китайских прогрессивных деятелей, что способствовало развитию революционного движения. Так, под руководством Ян Минчжая, члена группы Г. Войтинского, было создано «Китайско-российское агентство новостей», работавшее, естественно, на китайском языке, которое, как и газета «Шанхайская жизнь», постоянно знакомило страну с событиями, происходившими в России, и её политикой по отношению к Китаю. Например, в газете «Шанхайская жизнь» было впервые опубликовано известное советское обращение «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая (25 июля 1919 г.)», первое российское Постановление, касающееся Китая. Таким образом, газета «Шанхайская жизнь» волею судьбы оказалась первым в Китае СМИ, в котором были изложены принципы внешней политики России на китайском направлении.

II. Пропагандистская деятельность русских эмигрантов в Китае

Распространением идей марксизма в Китае занималось не только правительство Советской России и Коминтерн, но и – как это ни парадоксально может звучать – и некоторые «белые» эмигранты. После Ок-

тябрьской революции многие русские, бежавшие от бури революции и бедствий войны в Китай, соединившись с русскими, которые жили или работали в Китае ещё до революции (то есть строителями КВЖД), сформировали большую общину. Например, в Шанхай русские эмигранты, начиная с 1918 г., прибывали практически на каждом поезде и каждом корабле, идущем с севера; некоторые из них приезжали в город кружным путём – через Харбин и Тяньцзинь, кто-то ехал прямо из Владивостока водным путём. Этот массовый приток эмигрантов продолжался много лет. К концу 1920 г. в Шанхае проживало более 5 тысяч русских эмигрантов, в дальнейшем их количество возросло до 25–50 тысяч и более, – а основным местом их проживания стала Французская концессия [9, с. 54]. Большинство из эмигрантов ненавидело власть большевиков в России, но среди них были люди, которые поддерживали социалистическую революцию, – например, русские коммунисты и офицеры Красной армии, которые убежали в Шанхай во время оккупации Сибири Белой армией адмирала А.В. Колчака и иностранными интервентами.

В результате этого в Шанхае образовалась довольно большая группа русских эмигрантов, которые сочувствовали идеям русской революции и социалистическому движению и активно работали на Советскую Россию и Коминтерн. Особую роль в их среде играл Джек Лизерович.

Дж. Лизерович (Jack Lizerovitch) был русским евреем, который проживал с родителями в Лондоне, однако сам он не стал британским гражданином. В восточном районе Лондоне, где жила его семья, жили бедные рабочие и еврейские иммигранты, и поэтому социалистическое движение (в том числе анархистском варианте) было там особенно активным, что повлияло на семью Лизеровичей, которая постоянно общалась с социалистами Великобритании. В 1917 г. Дж. Лизерович приехал в Шанхай и начал работать в британской фирме Jardine Matheson. Вскоре он привлек внимание китайских революционеров своими радикальными взглядами [8, с. 60].

Дж. Лизерович был сторонником социалистических идей, и после Октябрьской революции он, естественно, поддержал Советскую власть. Вскоре он установил контакты с российскими большевиками и стал агентом Советской России. Многие революционеры, направленные в 1920-е гг. из Советской России в Китай, – такие, как М.Г. Попов, А.Ф. Агарёв, Г.Н. Войтинский, – связывались с Дж. Лизеровичем в Шанхае и получили от него помощь. к тому времени Дж. Лизерович, уже несколько лет проживавший в Китае, знал многих китайских интеллектуалов, интеле-

ресовавшихся социализмом, что сделало его важнейшим посредником между российскими большевиками и китайскими революционерами.

Взаимодействуя с китайскими прогрессивными деятелями, Дж. Лизерович не только поддерживал действия Советской России и идеи большевизма, но и, заручившись её поддержкой, способствовал развитию национально-освободительного и социалистического движения.

Дж. Лизерович организовывал знакомство своих китайских друзей с эмиссарами из Советской России и Коминтерна, а также помогал последним встречаться с китайскими прогрессивными деятелями. Например, в феврале–мае 1920 г., когда А.Ф. Агарев приезжал в Шанхай, он знакомил его с людьми, поддерживавшими идеи революции, в том числе с Ли Ханьцзюном и Лу Юньхэном.

Деятельность Дж. Лизеровича была ориентирована прежде всего на пропаганду идей коммунизма, – например, он помогал распространять агитационно-пропагандистские материалы, поступавшие из Советской России. В феврале 1920 г. Дж. Лизерович присутствовал на прошедшей в ресторане Юн Ань встрече китайцев, которые сочувствовали идеям социализма. Во время этой встречи её ведущий Чжу Жуовэнь заявил, что некоторые люди, имеющие искренние намерения относительно Китая, предложили организовать издание, которое будет пропагандировать идеи большевизма и публиковать новости из Советской России. После обсуждения этого предложения было решено, что члены группы будут вносить по 10 юаней в месяц, чтобы оплатить расходы на издание. Было определено, что журнал под названием «劳动者» (Труженик) (“The Worker”) начнёт издаваться на китайском языке первого мая того же года тиражом 3000 экземпляров. Можно легко догадаться, что предложение мог сделать только присутствовавший на встрече Дж. Лизерович. Косвенно это подтверждается отчётом Японского консульства в Шанхае, в котором сообщается, что в марте 1920 г. россиянин А.Ф. Агарёв договорился с Дж. Лизеровичом и Люй Юньхэном об издании журнала «劳动»(Труд) на русском и китайском языках (из этой информации делается понятным, что идейным вдохновителем журнала был А.Ф. Агарев, а материальную сторону издания обеспечивал Дж. Лизерович).

Согласно сообщению, направленному Г. Войтинским Секретариату Восточной Азии Коммунистического Интернационала и своему начальству, в августе 1920 г. *Китайско-российское агентство новостей*, которым руководило Шанхайское революционное бюро (созданное группой

Г. Войтинского совместно с китайскими революционерами), было занято переводом статей из западных изданий, которые публиковались в 31 китайской газете [4, с. 10]. Однако в дальнейшем в этой и других китайских газетах всё больше и больше материалов стало поступать из Советской России и Дальнего Востока, которые были предоставлены в основном агентством Роста-Дальта. Дж. Лизерович не только помогал филиалу Роста-Дальта в Китае в организации переводов, но и сам встречался с его руководителем Ходоловым для обмена информацией о пропагандистской работе [8, с. 66].

Деятельность Дж. Лизеровича в интересах Советской России и Коминтерна подтверждается и тем, что он был корреспондентом газеты «Шанхайская жизнь», считавшейся «большевистским рупором», и тем, что он перевёл статью А.Ф. Агарёва о Советской России и Дальнем Востоке на английский язык с целью её последующей публикации в американской газете «Континенталь» (“The China Press”). Эта статья, вероятно, является той самой передовицей о «государстве-буфере», про публикацию которой в газете «Континенталь» 1 июня 1920 г. писал Г. Войтинский.

Ранее некоторые китайские и зарубежные учёные утверждали, что прямая советская пропаганда в Китае началась только весной и летом 1920 г., а до этого периода китайцы получали искажённую информацию о Советской России, источником которой была западная, японская и китайская буржуазная пресса. Такой подход явно недооценивал значимость советской пропаганды и игнорировал используемые ею изощрённые методы. Некоторые учёные указывают, что одной из отличительных черт раннего этапа распространения в Китае марксизма-ленинизма была «непрямолинейность» его развития и утверждают, что за пределами России и Японии западноевропейские революционные идеи шли в основном через Францию и в дальнейшем были переработаны самими китайцами.

Такой взгляд также является слишком упрощённым и односторонним. Советская Россия и Коминтерн придавали огромное значение пропагандистской работе как в Европе и Америке, так и на Востоке: создавались информационные и издательские агентства, финансировались газеты и журналы, обеспечивавшие оперативную публикацию на Западе большого количества работ советских лидеров и новостей, распространявшихся из России и Коминтерна. Импорт и мировых революционных новостей в китайское информационное поле через европейское и американское направления (при этом использовались «не большевистские» издания) был

основным методом пропаганды коммунистов.

Некоторые сведения указывают на то, что коммунистические организации никогда не оплачивали труд Дж. Лизеровича: он служил Советской России только из идейных соображений — с огромным энтузиазмом, добровольно отдавая этой деятельности всё свободное время. Следует также отметить, что Дж. Лизерович не занимался «секретной» работой и что некоторые большевики не доверяли ему. Имя Дж. Лизеровича ни разу не встречается и в опубликованных архивах Коминтерна. Это означает, что он, вероятно, никогда не был официальным представителем Советской России или Коминтерна. Возможно, Дж. Лизерович не состоял и членом большевистской партии, однако при этом он проделал огромную работу в интересах Коминтерна, Советской России и Китая. Его самоотверженный труд высоко оценён руководителями соответствующих организаций, – например, Г.Н. Войтинский называл его своим «товарищем» и хвалил за эффективную работу среди китайцев.

Заключение

Коммунистическая партия Китая сформировалась в процессе соединения марксизма с китайским рабочим движением, под непосредственным воздействием Октябрьской революции в России и движения «4 мая» в Китае, а также при содействии Коммунистического Интернационала. Некоторые китайские ученые считают, что в 1920-е гг. в Китае не существовало условий для создания коммунистической партии, которая возникла только благодаря «поддержке» Коммунистического Интернационала, помощь которого сыграла решающую роль.

Другие исследователи, наоборот, полагают, что основание КПК было чисто «эндогенным» процессом, и роль Коминтерна была незначительной или даже негативной. Чтобы решить этот вопрос, мы должны придерживаться методологических принципов марксистской диалектики и исторического материализма, которые позволяют анализировать роль Коминтерна в процессе создании Коммунистической партии Китая беспристрастно и объективно [11, с. 15].

Деятельность Дж. Лизеровича в Китае доказывает, что русские эмигранты охотно участвовали в пропагандистской и организационной работе Советской России и Коминтерна в Китае. Свой вклад в развитие коммунистического движения в Китае вносили не только Коминтерн и Советская Россия, но и другие иностранные коммунисты и социалисты, а также связанные с ними партии (особенно на начальном этапе). Это

означает, что возникновение китайского коммунистического движения не было процессом *изолированным*: оно было тесно связано с международным социализмом и коммунистическим движением. События, происходившие в Китае, во многом иллюстрировали взгляды руководства Советской России и Коминтерна на развитие мирового коммунистического движения и демонстрировали гибкость его позиции в использовании имеющихся кадров, ресурсов и каналов связи.

Список литературы:

1. Емельянова Е.Н. Революционная война или мирное сосуществование? К истории Коминтерна (1919–1923 гг.): монография. Коломна, 2002. 237 с.
2. Емельянова Елена Николаевна. Советская Россия и Китай (1920–1923гг.) // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-2 (28). С. 7-24.
3. Ло Вэндун. КПК как центральная сила, которая ведёт народ к изменению Китая // Россия и АТР. 2021. № 2. С. 38-52.
4. Мамаева Н.Л. Коминтерн и революционный процесс в Китае 1920-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 4. С. 5-16.
5. История Китая / Под редакцией А.В. Меликсетова // издательство Московского университета «Высшая школа», 2002. С. 7367.
6. Мировицкая Р.А. Страницы истории российско-китайских отношений: советская Россия и образование КПК(1921г) // История внешней политики Китая. Место издания, год издания? С. 245-255.
7. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин: Народное изд-во, 1991. Т. 4. 1517 с.
8. Ли Даныан. Красный русский эмигрант Лизерович и начало коммунистического движения Китая // Вестник университета Чжуншань. 2002. № 6. С. 59-69.
9. Ли Синькэн. Российские эмигранты в Китае (1917-1945). Пекин: Центральное издательство переводов, 1997. 101 с.
10. Гун Юйтао. Роль Коммунистического Интернационала в создании Коммунистической партии Китая // Современный мир и социализм. 2021. № 5. С. 101-106.
11. Цзэн Юнхун. Роль Коминтерна и СССР в создании КПК // наследование. 2021. № 9. С. 14-15.
12. Чжан Кэ, Чжан Вэньлин. Марксистская пропагандистская деятельность Советской России и членов Коммунистического Интернационала в Китае (1918–1924 гг.) // Обучение истории. 2015. № 22. С. 47-53.

Bibliography

1. Emelyanova E.N. Revolutionary war or peaceful coexistence? On the history of the Comintern (1919–1923): monograph. Kolomna, 2002. 237 p.
2. Emelyanova Elena Nikolaevna. Soviet Russia and China (1920–1923) // Modern studies of social problems. 2016. № 4-2 (28). P. 7-24.
3. Lo Wendong. The CCP as a central force that leads the people to change China // Russia and Asia-Pacific. 2021. № 2. P. 38-52.
4. Mamaeva N.L. The Comintern and the Revolutionary Process in China in the 1920s // Humanitarian research in Eastern Siberia and the Far East. 2019. № 4. P. 5-16.
5. History of China / Edited by A.V. Meliksetova // publishing house of Moscow University “Higher School”, 2002. P. 7367.
6. Mirovitskaya R.A. Pages of the history of Russian-Chinese relations: Soviet Russia and the formation of the CPC (1921) // History of China's foreign policy. Place of publication, year of publication? P. 245-255.
7. Mao Zedong. Selected works. Beijing: People's Publishing House, 1991. Vol. 4. 1517 p.
8. Li Danyang. Red Russian emigrant Lizerovich and the beginning of the communist movement in China // Zhongshan University Bulletin. 2002. № 6. P. 59-69.
9. Li Hsinkeng. Russian emigrants in China (1917-1945). Beijing: Central Translation Publishing House, 1997. 101 p.
10. Gong Yutao. The role of the Communist International in the creation of the Communist Party of China // Modern world and socialism. 2021. № 5. P. 101-106.
11. Zeng Yonghong. The role of the Comintern and the USSR in the creation of the CPC // inheritance. 2021. № 9. P. 14-15.
12. Zhang Ke, Zhang Wenling. Marxist propaganda activity of Soviet Russia and members of the Communist International in China (1918–1924) // Teaching history. 2015. № 22. P. 47-53.

Китайско-Индийские отношения в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии

Китай и Индия являются древними цивилизациями, и диалог между двумя этими народами имеет тысячелетнюю историю. Особенно в первом веке нашей эры, когда буддизм распространился из Индии в Китай, исторический и культурный обмен между Китаем и Индией становился все более тесным. И Китай, и Индия в наше время были колонизированными и полуколонизированными странами. Став британской колонией в 19 веке, Индия наконец провозгласила свою независимость 15 августа 1947 года после постоянной борьбы. После Опиумной войны 1840 года Китай стал полуколониальной и полуфеодальной страной. 1 октября 1949 года, с образованием Китайской Народной Республики, она избавилась от своей полуколониальной и полуфеодальной истории. Индия признала пекинский режим в 1950 году и установила дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. Однако в конце 1950-х годов противоречия между Китаем и Индией обострились. В конце концов, спор о китайско-индийской границе в восточной части Гималаев привел к войне в 1962 году. В 1988 году визит премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай положил начало нормализации двусторонних отношений.

Однако 15 июня 2020 года конфликт, произошедший на границе долины Галван между Китаем и Индией, стал беспрецедентным всеобъемлющим обострением отношений между двумя странами на протяжении более 30 лет.

Пограничный конфликт в долине Галван был в основном вызван структурными проблемами между Китаем и Индией и индо-тихоокеанской стратегией, реализуемой Соединенными Штатами.

Между Китаем и Индией есть структурные расхождения. Во-первых, проблема Тибета. Индия всегда сопротивлялась юридическому суверенитету Китая в Тибете и исторически пыталась превратить Тибет в «буферное государство» между Китаем и Индией. Во-вторых, проблема границы. Китай и Индия сильно разошлись в понимании «линии фак-

тического контроля» между двумя странами, с этого началась китайско-индийская война 1962 года. В-третьих, торговые дисбалансы. Индия импортирует потребительские товары из Китая и правительство Моди пыталось сократить торговый дефицит Индии с Китаем, нарушив двусторонние экономические и торговые отношения. В-четвертых, «битва за региональное господство». Индия давно обижена на нормальное сотрудничество между Китаем и соседними странами Индии. Особенно в 2013 году Китай выдвинул инициативу «Один пояс, один путь», которая была расценена Индией как «стратегическое сдерживание» против Индии. Индия считает, что субконтинент Южной Азии и весь регион Индийского океана являются «сферой влияния» Индии, и влияние Китая в этом регионе растет. В-пятых, существует серьезный недостаток взаимного доверия.

Далее поскольку Соединенные Штаты предложили свою Индо-Тихоокеанскую стратегию в 2017 году, Соединенные Штаты возлагают большие надежды на Индию, чтобы сдерживать и уравнивать Китай. В то же время Индия также хочет использовать мощь Соединенных Штатов для повышения своего международного статуса и изменить статус Китая как производственной державы, чтобы производственная цепочка могла быть отделена от Китая и повернулась к Индии. На этом фоне отношение Индии к Китаю становится все более жестким [1].

Стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе была задумана в администрации Обамы и утверждена в администрации Трампа. Трамп несколько раз использовал концепцию «Индо-Тихоокеанского региона» во время своего визита в Азию в ноябре 2017 г. и официально предложил «Индо-Тихоокеанскую стратегию» в «Стратегии национальной безопасности США», опубликованной 18 декабря 2017 г..1 июня 2019 г., Министерство обороны США выпустила «Отчет о стратегии Индо-Тихоокеанского региона», в котором всесторонне и систематически излагается стратегия США в Индо-Тихоокеанском регионе [1].

Как и стратегию Трампа, стратегия Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе в основном касается Китая. Для обеих сторон Китай является стратегическим конкурентом США №1 в мире в долгосрочной перспективе и в Индо-Тихоокеанском регионе в краткосрочной перспективе. Если Трамп был в основном сосредоточен на экономическом измерении отношений между Китаем и США, опасения Байдена по поводу Китая шире и охватывают экономическую, политическую, военную и технологическую области.

Администрация Байдена более охотно обращается за помощью к союзникам и партнерам для формирования «единого фронта» против Китая. Более того, в отличие от транзакционного подхода Трампа и силовой политики, Байден возвращает демократию и ценности во внешнюю политику США и рассматривает конкуренцию между США и Китаем скорее через призму идеологии, чем с точки зрения чистой борьбы за власть. Байден утверждал, что «американское руководство должно встретить этот новый момент продвижения авторитаризма, включая растущие амбиции Китая по соперничеству с Соединенными Штатами» [2]. Он заявил, что «мы находимся в точке перегиба между теми, кто утверждает, что автократия, и теми, кто понимает, что демократия необходима» [2].

Челночная дипломатия администрации Байден в Индо-Тихоокеанском регионе, акцент на западных демократических ценностях, подтверждение обязательств перед азиатскими союзниками и партнерами, запуск альтернативной инфраструктурной инициативы В3W и концепция свободного и открытого регионального порядка — все это направлено на конкуренцию с Китаем с позиции силы.

Стратегия администрации Байдена в Индо-Тихоокеанском регионе приведет к дальнейшей эскалации китайско-американских отношений.

Во-первых, конкуренция между Китаем и США приобретет большее идеологическое значение. Байден уделяет большое внимание союзникам и партнерам-единомышленникам, которых он считает важным стратегическим активом в долгосрочной стратегической конкуренции с Китаем. Чтобы продемонстрировать приверженность своей администрации демократическим ценностям, он не только сохранил экономические санкции Трампа против китайских юридических и физических лиц за «нарушение демократии и прав человека» в Гонконге и Синьцзяне, но и расширил экономические санкции против китайских компаний, отдельных лиц, организаций и продуктов и даже угрожает увеличить санкционные списки. Конгресс США инициировал многочисленные законопроекты и акты для «борьбы» или «наказания» Китая во имя «борьбы с нарушением прав человека или развитием демократии» [3]. В июне 2021 года Сенат США принял двухпартийный законопроект об инновациях и конкуренции США от 2021 года, в котором утверждается, что «Политика, все более активно проводимая КНР противоречит интересам и ценностям Соединенных Штатов угрожает изменению характера международного порядка и формируют правила, нормы, и институты, которые регулируют отношения между государствами» [3]. Он призы-

вает Соединенные Штаты принять масштабные меры для наращивания собственной экономической и технологической мощи и наказать Китай посредством дальнейших экономических санкций и технологического санкций. Байден также объявил, что в декабре 2021 г. он созовет виртуальный Саммит за демократию за которым примерно через год последует второй личный саммит, посвященный защите от авторитаризма, борьбе с коррупцией и содействию уважению прав человека [2].

Во-вторых, обостряется геополитическая и геоэкономическая конкуренция между Китаем и США в Индо-Тихоокеанском регионе. Администрация Байдена неоднократно заявляла, что Соединенные Штаты не стремятся к новой холодной войне с Китаем и не просят страны региона выбирать сторону между Пекином и Вашингтоном. Однако обновление и формализация администрацией Байдена форума Quad, создание тесных и плотных сетей единомышленников и партнеров, а также определение китайско-американских отношений в виде конкуренции между авторитаризмом и демократией, несомненно, является попыткой провести новую геополитическую линию разлома в Индо-Тихоокеанском регионе и заставить страны региона принять чью-либо сторону. Более того, инициатива В3W администрации Байдена направлена в первую очередь не на удовлетворение растущих потребностей в инфраструктуре в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами, а на дискредитацию ОПОП Китая и только усилит геоэкономическую конкуренцию «гонки на выживание» в Индо-Тихоокеанском регионе и за его пределами.

В-третьих, между Китаем и США разделение технологий и важнейших цепочек поставок значительно ускорится. Администрация Байдена рассматривает технологии и инновации как основное конкурентное преимущество Соединенных Штатов. Байден сказал: «Мы участвуем в соревновании за победу в 21 веке. Америка должна сохранить свою позицию самой инновационной и продуктивной нации на Земле» [3].

Чтобы победить в соревновании высоких технологий, администрация Байдена приняла две меры: во-первых, больше внутренних инвестиций, чтобы оживить научно-техническое преимущество США и более бдительно охраняющий от любого потока высоких технологий и ноу-хау из США в Китай. Вышеупомянутый Закон США об инновациях и конкуренции от 2021 года представляет собой попытку сделать и то, и другое одновременно, инвестировав около 250 миллиардов долларов в американскую науку и технологии, при этом защищая от возможного притока американских высоких технологий в Китай. Если он будет одобрен

Палатой представителей и подписан Байденом, он, несомненно, ускорит отношения между Китаем и США высокотехнологичной развязкой.

Что касается важнейших цепочек поставок, администрация Байдена уже издала два указа, направленных на усиление безопасности и устойчивости цепочек поставок в США и поощрение «одомашнивания» важнейших цепочек поставок для снижения зависимости США от китайских товаров и цепочек поставок. И после первоначальных оценок безопасности цепочек поставок США в отношении критически важных продуктов и областей, администрация Байдена рассматривает возможность принятия новых мер для дальнейшего укрепления безопасности и устойчивости цепочек поставок США, предпочтительно с большей степенью «одомашнивания» и взаимодействия в основном с единомышленниками, союзники и партнерами.

В-четвертых, возрастет напряженность вокруг Тайваньского пролива и Южно-Китайского моря. Как профессиональный политик, имеющий более чем тридцатилетний опыт работы в правительстве и когда-то занимавший пост председателя сенатского комитета по международным отношениям, Байден прекрасно понимает важность Тайваня в китайско-американских отношениях. Однако, учитывая меняющуюся внутривнутриполитическую атмосферу в США и поляризованную межпартийную борьбу, администрация Байдена, с одной стороны, публично признает, что Соединенные Штаты придерживаются политики «одного Китая», а с другой стороны, стремятся вести диалог с Тайванем автономно от Пекина в соответствии с Законом об отношениях с Тайванем, выступая за участие Тайваня во Всемирной ассамблее здравоохранения в качестве наблюдателя, указав, что рассматривают Тайвань как «неотъемлемую часть» американской стратегии Индо-Тихоокеанского региона. 19 августа 2021 года в интервью ABC News Байден даже сказал, что Соединенные Штаты будут соблюдать свое «священное обязательство» защищать Тайвань, которое позже высокопоставленный официальный представитель администрации Байдена исправил, заявив, что «политика США в отношении Тайваня не изменилось», и аналитики заявили, что Байден оговорился.

В вопросе о Южно-Китайском море администрация Байдена унаследовала большую часть жесткой позиции администрации Трампа. 11 июля 2021 г. Государственный департамент США выступил с заявлением по Южно-Китайскому морю, подтвердив «свою политику от 13 июля 2020 г. в отношении морских претензий в Южно-Китайском море», в

которой утверждалось, что «притязания Пекина на морские ресурсы на большей части Южно-Китайского моря являются полностью незаконными» [3]. Кроме того, в нем также подтверждается, что «вооруженное нападение на филиппинские вооруженные силы, государственные суда или самолеты в Южно-Китайском море повлечет за собой обязательства США по взаимной обороне в соответствии со статьей IV. Договора о взаимной обороне между США и Филиппинами 1951 года». Помимо опровержения претензий Китая в Южно-Китайском море, администрация Байдена продолжает свои «операции по свободе судоходства» в Южно-Китайском море. По состоянию на 25 августа 2021 г. администрация Байдена провела четыре раунда операций по обеспечению свободы судоходства в Южно-Китайском море, чтобы оспорить претензии Китая в Южно-Китайском море и защитить свою версию принципа «свободы морей» [2].

Администрация Байдена также ищет поддержки у союзников и партнеров для формирования единого фронта по вопросу о Южно-Китайском море. В ходе многочисленных двусторонних и многосторонних диалогов и встреч, включая встречи на высшем уровне G-7, США-НАТО, США-ЕС, США-АСЕАН, Quad, США-Япония, США-Южная Корея, США-Австралия, администрация Байдена выразила «свои опасения по поводу ситуации» в Южно-Китайском море, раскритиковав поведение Китая и заявив претензии на суверенитет, а также защищая американскую версию свободы морей. Это более «активное» присутствие США в Южно-Китайском море и более агрессивный дипломатический маневр, вероятно, приведут к обратным результатам и эскалации китайско-американских отношений, напряженности и противостоянию в Южно-Китайском море [2].

Подводя итоги, можно сказать, что администрация Байдена еще не объявила о своей стратегии в отношении Индо-Тихоокеанского региона, но общая схема кажется вполне ясной: она рассматривает Китай как главного претендента, если не прямую угрозу, своему политическому, экономическому и военному влиянию в регионе и обещает предпринять дипломатические, экономические и военные действия, чтобы уравновесить растущее влияние Китая, предпочтительно с его союзниками и партнерами [4]. Администрация Байдена предприняла ряд шагов, чтобы объединить своих азиатских и даже европейских союзников и партнеров, предложила экономические альтернативы китайской инициативе «Один пояс, один путь», обновила региональные институциональные ар-

хитектуры и попыталась сформировать региональный порядок в своих интересах. В результате китайско-американские отношения еще больше ухудшились на глазах у Байдена и движутся в сторону конфронтации. При этом, хотя китайско-индийские отношения очень сложны на фоне их собственных структурных противоречий и стратегии Индо-Тихоокеанского региона, реализуемой Соединенными Штатами, лидеры Китая и Индии должны управлять своими разногласиями самостоятельно. Еще в шестом веке до нашей эры известный китайский мыслитель Лао-цзы однажды сказал: «Мир ведет к успеху, а борьба ведет к поражению». Китай и Индия должны идти мирным путем и сотрудничать друг с другом для создания модели китайско-индийского сотрудничества на всем субконтиненте Южной Азии и в регионе Индийского океана, не становясь при этом инструментами внешней политики Вашингтона.

Список литературы:

1. Кузмина К.М. Что Индо-Тихоокеанская концепция значит для Китая / РСМД. 2021. 180 с.
2. Куприянов В.П. Китайский фактор в формировании индийского подхода к концепции Индо-Тихоокеанского региона / Геополитика. 2022. № 2. С. 68-74.
3. Китайское предубеждение / Коммерсантъ // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5216015>
4. Ян Х. Процесс кодификации международного частного права Китая на современном этапе: проблемы и перспективы // Евразийский юридический журнал. 2020. № 1 (164). С. 60-63.

Bibliography

1. Kuzmina K.M. What the Indo-Pacific Concept Means for China / RIAC. 2021. 180 p.
2. Kupriyanov V.P. The Chinese factor in shaping the Indian approach to the concept of the Indo-Pacific region / Geopolitika. 2022. № 2. P. 68-74.
3. Chinese prejudice / Kommersant // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5216015>
4. Yang H. The process of codification of China's private international law at the present stage: problems and prospects // Eurasian Law Journal. 2020. № 1 (164). P. 60-63.

Аннотации

Рябова Е.И.
Терновая Л.О.

Годы хребет горбят: соединение осей истории и геополитики

Понятие «ось истории» возникло на ранней стадии развития геополитики, соединив представления о времени и пространстве, в котором осевые характеристики связывались с реальными географическими объектами. Для евразийского пространства такой осевой моделью выступил Уральский хребет. С этой горной грядой, разделяющей Азию и Европу, ассоциируются многочисленные геокультурные образы, которые могут служить для расшифровки сложных геополитических построений.

Ключевые слова: история, геополитика, география, ось, хребет, евразийство.

Мальцев К.Г.
Алавердян А.Л.

Республиканская нация: социальная общность vs политическое сообщество

Целью исследования является интерпретация либерального политического проекта «республиканской нации» в перспективе основных направлений объяснения «нации» и «национального» в современном общественном знании. Выявляется противоположность между представлением нации как «социальной группы» и как «политического сообщества», которое снимается в либеральном представлении социального и политического. «Республиканская нация» конструируется нормативно в горизонте основоположений: безусловного снятия «этничности» как «естественной» или «исторической» наличности; как гражданская ассоциация, то есть результат самоопределения автономного субъекта; принципиальной установки считать субъекта «неразложимым локусом социальности», то есть индивидуализма; представления «космологических ценностей» (культура, религия) как политически нерелевантных «особенностей»; основанную на гражданской лояльности либеральному политическому порядку. Делается вывод: политический проект республиканской нации является одной из технологий глобального управления.

Ключевые слова: республиканская нация, этничность, социальная

группа, гражданская ассоциация, политическое, примордиалистское и ситуативистское объяснение нации.

Сторчак В.М.
Огородникова О.А.
Сторчак М.В.

**Российская мессианская идея
в контексте современных проблем историософии страны**

В настоящей статье рассмотрены вопросы адаптации прошлых российских идеологем для современных информационных реалий России. Концепция «Москва – Третий Рим» способствовала выработке в отечественной философской и общественно-политической мысли такие идеологемы, как особый, цивилизационный путь России, идеи панславизма и специфического нравственного характера российского народа и т.д.

Ключевые слова: мессианство, Москва - Третий Рим, панславизм, идеология, Россия.

Гришин О.Е.
Чистов И.С.
Колпаков М.В.

Политика - XXI век: новый взгляд на проблемы войны и мира

В статье рассматриваются новые подходы восприятия войны и мира в общественном сознании. Выделены принципы выработки общественного сознания в таких условиях. Показано, что информационная война стала одной из главных военных стратегий мировых государств. Акцентировано внимание на том, что современные политики влияют на развитие общественного мнения, в первую очередь, через средства массовой информации. Авторы дополняют исследовательские подходы к данной проблематике.

Ключевые слова: война, мир, конфликты, XXI век, информационная война, пропаганда, СМИ, Украина, Россия, глобализация.

Махмудов А.С.

**Политическая регионалистика
и её место в системе политологических знаний**

В статье анализируется сущность политической регионалистики, рассматривается её место в системе политологических знаний. Показаны особенности политической регионалистики как самостоятельной отрасли научных исследований, её отличия от других ответвлений по-

литологической науки, в частности – от региональной политологии. Подчёркиваются принципиальные расхождения между политической регионалистикой и распространёнными на Западе «областными штудиями». Обозначены основные этапы становления региональных политических исследований в России в конце XX – начале XXI века. Раскрывается базовая терминология политической регионалистики, затронут ряд аспектов, касающихся её предметного поля.

Ключевые слова: политическая регионалистика, система политологических знаний, региональная политология, «area studies», политические регионы, административные единицы, субъекты Российской Федерации.

Трофимов В.А.

Политико-географические реалии Сахалинской области

В статье рассматриваются регионально-политические особенности Сахалинской области. Особо выделены пространственно-географические и природно-климатические факторы, определяющие политическую специфику Сахалина и Курильских островов. Показаны исторические обстоятельства, в которых происходило формирование Сахалинской области как пространственно-территориального феномена. Освещены некоторые вопросы, касающиеся взаимоотношений по оси «федеральный центр – Сахалинская область». Затронуты проблемы демографического характера, обозначены подходы региональных властей к их решению.

Ключевые слова: региональная политика, Сахалинская область, остров Сахалин, Курильские острова, федеральный центр, стратегия оборонной безопасности, демографические проблемы.

Гао Чуньюй

Гао Янь

Формирование концепции марксизма в Китае

В статье рассматривается история распространения марксизма в Китае в период создания КПК (с 1918 по 1924 г.). В работе показывается, что пропагандой идей марксизма в Китае занимались не только представители Советской России и Коминтерна, но и русские эмигранты, которые, хотя и не являлись коммунистами, однако исповедовали марксизм, распространяли марксистско-ленинскую литературу и иные материалы о революции и строительстве Советской России, публиковали пропагандистские статьи, вовлекали в свою деятельность представите-

лей китайской интеллигенции при помощи бесед, дискуссий, лекций или докладов; они активно помогали Коммунистической партии Китая в организации разнообразных средств пропаганды. В статье доказывается, что их деятельность внесла большой вклад в интеграцию марксистской идеологии с китайским рабочим движением и способствовала созданию и росту количества коммунистических организаций в стране. Новизна исследования заключается в том, что в нём анализируется деятельность русских эмигрантов, направленная на пропаганду идей марксизма. В основе исследования лежат методы исторического исследования принцип историзма и всестороннего анализа проблемы, критический подход к используемым источникам, принципы сравнения и сопоставления, абстрагирования и идеализации.

Ключевые слова: марксизм, пропаганда, Китай.

Суй Тао

Китайско-Индийские отношения в контексте Индо-Тихоокеанской стратегии

В последние годы отношения между Китаем и Индией осложнились из-за собственных структурных противоречий и влияния реализации США Индо-Тихоокеанской стратегии. В данной статье предпринята попытка продемонстрировать причины такого положения с двух сторон: внутренней и внешней. США еще не объявила о своей позиции в отношении Индо-Тихоокеанского региона, но общая схема рассматривает Китай как главную угрозу, политическому, экономическому и военному влиянию США в регионе. Поэтому лидеры Китая и Индии должны самостоятельно без участия Соединенных Штатов управлять своими разногласиями для поддержания мира в регионе. Китай и Индия должны идти мирным путем и сотрудничать друг с другом, не теряя политического суверенитета и не становясь инструментами внешней политики Вашингтона.

Ключевые слова: Китайско-Индийские отношения, Индо-Тихоокеанская стратегия, США, международные отношения, межкультурный диалог.

Abstracts

Ryabova E.I.
Ternovaya L.O.

Years of the ridge hump: connecting the axes of history and geopolitics

The concept of “axis of history” arose at an early stage in the development of geopolitics, combining ideas about time and space, in which axial characteristics were associated with real geographical objects. For the Eurasian space, the Ural Range acted as such an axial model. This mountain range separating Asia and Europe is associated with numerous geocultural images that can serve to decipher complex geopolitical constructions.

Keywords: history, geopolitics, geography, axis, ridge, Eurasianism.

Maltsev K.G.
Alaverdyan A.L.

Republican nation: social community vs political community

The aim of the study is to interpret the liberal political project of the «republican nation» in the perspective of the main directions of the explanation of «nation» and «national» in modern social science. The contrast between the representation of the nation as a «social group» and as a «political community» is revealed, which is removed in the liberal representation of the social and political. The «Republican nation» is constructed normatively in the horizon of the fundamentals: the unconditional removal of «ethnicity» as «natural» or «historical» cash; as a civil association, that is, the result of self-determination of an autonomous subject; a principled attitude to consider the subject as an «indecomposable locus of sociality», that is, individualism; representations of «cosmological values» (culture, religion) as politically irrelevant «features»; based on civic loyalty to the liberal political order. The conclusion is made: the political project of the republican nation is one of the technologies of global governance.

Keywords: republican nation, ethnicity, social group, civic association, political, primordialist and situationist explanation of the nation.

Storchak V.M.
Ogorodnikova O.A.
Storchak M.V.

The Russian messianic idea in the context of modern problems of historiosophy of the country

This article deals with the issues of adaptation of past Russian ideologies for the modern information realities of Russia. The concept of “Moscow – the Third Rome” contributed to the development in the domestic philosophical and socio-political thought of such ideologemes as a special, civilizational path of Russia, the ideas of Pan-Slavism and the specific moral character of the Russian people, etc.

Keywords: messianism, Moscow - the Third Rome, pan-Slavism, ideology, Russia.

Grishin O.E.
Chistov I.S.
Kolpakov M.V.

**Politics - XXI century:
a new look at the problems of war and peace**

The article discusses new approaches to the perception of war and peace in the public consciousness. The principles of public consciousness development in such conditions are highlighted. It is shown that information warfare has become one of the main military strategies of world states. Attention is focused on the fact that modern politicians influence the formation of public opinion, primarily through the mass media. The authors complement the research approaches to this problem.

Keywords: war, peace, conflicts, 21st century, information war, propaganda, media, Ukraine, Russia, globalization.

Makhmudov A.S.

**Political regionalism
and its place in the system of political science knowledge**

The article analyzes the essence of political regional studies, considers its place in the system of political science knowledge. The features of political regional studies as an independent branch of scientific research, its differences from other branches of political science, in particular from regional political science, are shown. The fundamental differences between political regionalism and the “area studies” common in the West are emphasized. The main stages in the formation of regional political studies in Russia at the end of the 20th - beginning of the 21st century are outlined. The basic terminology of political regional studies is revealed, a number of aspects related to its subject field are touched upon.

Keywords: political regional studies, system of political science knowledge,

regional political science, “area studies”, political regions, administrative units, subjects of the Russian Federation.

Trofimov V.A.

**Political-geographical realities
of the Sakhalin region**

The article deals with the regional and political features of the Sakhalin region. Special emphasis is placed on the spatial-geographical and natural-climatic factors that determine the political specifics of Sakhalin and the Kuril Islands. The historical circumstances in which the formation of the Sakhalin region as a spatial and territorial phenomenon took place are shown. Some issues related to the relationship along the axis “Federal Center – Sakhalin Region” are highlighted. Problems of a demographic nature are touched upon, and the approaches of regional authorities to their solution are outlined.

Keywords: regional policy, Sakhalin Region, Sakhalin Island, Kuril Islands, federal center, defense security strategy, demographic problems.

Gao Chunyu

Gao Yan

The formation of the concept of Marxism in China

This article examines the problem of Marxist propaganda in China from 1918 to 1924, around the time of the establishment of the CCP. The paper deals with the issue that in China Marxist propaganda activities were carried out not only by people from Soviet Russia and the Comintern, but also by some Russian emigrants, who, although not Communists, professed and disseminated Marxism. The propaganda activities of Soviet Russia, the Comintern, and Russian émigrés are analyzed. They all wrote propaganda articles and provided Marxist-Leninist literature and propaganda materials about the revolution and the construction of Soviet Russia; conducted propaganda through conversations, talks, discussions, lectures and speeches or reports; actively assisted the Chinese Communist Party in creating propaganda tools. It is argued that these propaganda activities contributed greatly to the integration of Marxist propaganda with the Chinese labor movement, strengthened the class strength of Marxist propaganda in China, and promoted the establishment and growth of Communist organizations in China. The novelty of the study is that the paper comments on the Marxist propaganda activities of Russian émigrés who were not communists. The article uses methods of historical research, comparison, contrast, abstraction and idealization. The research is based on the principles of

historicism, critical approach to the sources used, and comprehensive analysis of the problem.

Keywords: Marxism, propaganda, China.

Sui Tao

**Sino-Indian relations
in the context of the Indo-Pacific strategy**

In recent years, relations between China and India have become complicated due to their own structural contradictions and the influence of the US implementation of the Indo-Pacific strategy. This article attempts to demonstrate the reasons for this situation from two sides: internal and external. The US has not yet announced its position on the Indo-Pacific region, but the overall scheme sees China as the main threat to US political, economic and military influence in the region. Therefore, the leaders of China and India must independently manage their differences without the participation of the United States in order to maintain peace in the region. China and India must move peacefully and cooperate with each other without losing political sovereignty or becoming instruments of Washington's foreign policy.

Keywords: Sino-Indian relations, Indo-Pacific strategy, USA, international relations, intercultural dialogue.

Авторы

Алавердян А.Л. - кандидат философских наук, Белгородский техникум промышленности и сферы услуг.

Гао Чуньюй - профессор института иностранных языков, Цицикарский университет (Китай), аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета.

Гао Янь - магистр института иностранных языков, Цицикарский университет (Китай).

Гришин О.Е. - кандидат политических наук, доцент кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов.

Колпаков М.В. - студент II курса магистратуры кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов.

Мальцев К.Г. - доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Махмудов А.С. - кандидат политических наук, доцент кафедры прикладная информатика в юриспруденции, Дагестанский государственный технический университет. Эксперт РОО «Город – XXI век». Член Научного Совета рецензируемого журнала «Власть истории».

Огородникова О.А. - кандидат исторических наук. Доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории. Институт гуманитарных наук ГАОУ ВО Московский городской педагогический университет (МГПУ).

Рябова Е.И. - кандидат политических наук.

Сторчак В.М. - доктор философских наук. Профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Сторчак М.В. - аспирант кафедры государственно-конфессиональных отношений. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Суй Тао - аспирант. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Трофимов В.А. - региональный представитель-эксперт, Международный издательский центр «Этносоциум».

Чистов И.С. - студент II курса магистратуры кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов.

Authors

Alaverdyan A.L., PhD in Philosophical sciences, Belgorod Technical School of Industry and Services, Belgorod.

Chistov I.S., 2nd master student Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia.

Gao Chunyu, Professor of the Institute of Foreign Languages, Qiqihar University (China), post-graduate student of the Perm State National Research University.

Gao Yan, Master of the Institute of Foreign Languages, Qiqihar University (China).

Grishin O.E., Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia.

Kolpakov M.V., 2nd master student Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia.

Makhmudov A.S., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Informatics in Jurisprudence, Dagestan State Technical University. Expert of the NGO "City - XXI century". Member of the Scientific Council of the peer-reviewed journal "The Power of History".

Maltsev K.G., Grand PhD in Philosophical sciences, Professor of the Department of Theory and Methodology of Science of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov».

Ogorodnikova O.A., Candidate of Historical Sciences. Associate Professor of the Department of General and Russian History Institute of Humanities. Moscow City University.

Ryabova E.I., Candidate of Political Sciences.

Storchak M.V., Post-graduate student of the Department of state-confessional relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Storchak V.M., Doctor of philosophical science. Professor of the Department of State-Confessional Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Sui Tao, Graduate Student. Lomonosov Moscow State University.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Trofimov V.A., Regional representative-expert, International Publishing Center "Ethnosocium".

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения, анализа и апробации журнал проводит конкурс на лучшую статью (тезисы, размышления) для совершенствования стратегического курса межнациональных отношений, экономики регионов, и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 708 3000
Справки по тел. +7 (495) 708 3000

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также приставный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru

E-mail: etnosocium@mail.ru

Тел.: +7 (495) 708-3000

Необходимую научную литературу

Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин

Редактор Н.Э. Архипова

Корректор Е.А. Белоусова

Корректор Англ. Яз. Иванова Т.С.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.

Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 7